

ЕРМАКЪ,

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Издание 4-е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Великій, гдѣбъ ты не родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотя бы исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бы сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Считались въ дебряхъ и льсахъ,
И жили съ алчными волками,
Но ты, великій человекъ!
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!»
Ив. ДМИТРИЕВЪ.

МОСКВА.

Въ типографіи Н. Степанова.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Марта 30 дня 1843 года.

Ценсоръ С. Баршевъ.

Печатано съ изданія 1843 года безъ перемѣнъ.

ЕРМАКЪ.

І.

Въ то самое время, когда благословенная Россія, сохраненная Провидѣніемъ и единодержавіемъ отъ долговременнаго хищничества дикихъ, кровожадныхъ Монголовъ, уже наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ и начинала распространять предѣлы своего величія, могущества и славы, на пространныхъ равнинахъ, похожихъ болѣе на дикія, пустыя степи, лежація между Дономъ и Волгою, жили казаки.

Было утро. Солнце яркими своими лучами златило листья высокихъ деревь лѣса, окружавшаго жилища казаковъ, и красиво отражалось въ темныхъ водахъ рѣки Дона. Свѣтлая, чистая роса еще не обсохла на зеленой муравѣ, еще капли ея падали на землю съ отвисшихъ вѣтвей деревь, а лѣсъ уже былъ окруженъ охотниками.

Этотъ незапамятный для насъ лѣсъ былъ тогда жилищемъ большаго множества разныхъ дикихъ звѣрей, ловъ которыхъ, въ мирное, спокойное время, составлялъ главное и любимое упражненіе казаковъ. Охота тогда была совершенно различна отъ охоты нашего времени. Тогда охотники, становясь на своихъ лошадей, — искусство въ верховой ѣздѣ, сохраняемое многими казаками и до нынѣ, — сначала полукружіемъ и въ отдаленіи одинъ отъ другаго, сближались потомъ мало по малу между собой и на-

конецъ окружали звѣрей, или лучше сказать тѣ мѣста, гдѣ оныя находились. Одни изъ охотниковъ были посылаемы съ собаками выгонять звѣрей изъ ихъ логовищъ или лѣса, а другіе въ то время били ихъ стрѣлами и копьями, и бѣдные звѣри, бѣжавшіе въ разныя стороны, дѣлались добычею смѣлыхъ охотниковъ.

Итакъ тотъ дикій, пространный, темный лѣсъ, въ то утро, которое мы описываемъ, былъ уже окруженъ множествомъ охотниковъ. Еще наканунѣ Гетманъ, управлявшій тѣми казаками (имя котораго лѣтописи намъ не передали), велѣлъ собрать большую охоту, на которой также были его родной сынъ и дочь. Приказаніе исполнено.

Велика, — такъ было имя дочери Гетмана, — слыла между всѣми казачками лучшею красавицею. И судя по описанію, въ этомъ надобно было согласиться.

Точно, она, подобно другимъ дѣвамъ своего края, была смугловата, но менѣе нежели ея подруги. Ея черные, какъ крыло ворона, волосы, длинные — какъ рѣчь древняго оратора, невольно обращали вниманіе молодыхъ юношей. Ея большіе и пламенные глаза, ея милья и трогательныя черты лица въ наше время породили бы множество элегій. Круглый, роскошный станъ Велики былъ строень какъ пальма; ея ростъ былъ выше другихъ дѣвъ пространныхъ степей Сибири; ея руки были нѣжны и бѣлы какъ лилія, а щеки пурпурны какъ заря востока. Но что казалось до ея сердца, то оно порою было чувствительно, сострадательно, нѣжно, какъ сердце дѣвы XIX столѣтія.

Въ день охоты Велика ѣхала возлѣ своего отца, но ей почему-то хотѣлось присоединиться къ другой партіи. Это желаніе для Велики было безотчетно; она

того желала, но почему, то для нее было тайною. И зачѣмъ оно для сердца Велики не осталось тайною навсегда!...

Велика, подобно Діанѣ, вооруженная колчаномъ съ стрѣлами и лукомъ, вѣрно и съ чрезвычайною мѣткостію пушала стрѣлы въ мелкихъ животныхъ и смертельно поражала ихъ. Въ самый разгулъ охоты, дочь Гетмана, разгорячившись какъ искусный охотникъ, или, можетъ быть она желала отличиться въ чьихъ нибудь глазахъ, выѣхала изъ круга, составленнаго охотниками, и поскакала въ довольно частый кустарникъ, гдѣ, дотолѣ скрывавшійся дикій вепрь, увидѣвъ приближавшагося къ нему человека, вдругъ, съ яростію питомца свободы и дикости кинулся сначала, какъ бы щадя юную охотницу, на коня Велики. Бѣдное животное, съ распоротымъ клыками вепря брюхомъ, поверглось полумертвымъ на

землю, а вмѣстѣ съ нимъ и прекрасная всадница.

Чрезвычайный крикъ Велики встревожилъ почти всѣхъ охотниковъ. Одинъ изъ нихъ, какъ бы увлекаемый чудною, непреодолимою силою, поскакалъ во весь опоръ къ тому мѣсту, откуда происходилъ крикъ, и подоспѣлъ на помощь къ охотницѣ въ ту самую минуту, когда хищный, разъяренный звѣрь былъ уже готовъ ее разтерзать. Охотникъ въ одно мгновеніе соскочилъ съ своей лошади, кинулся, подобно стрѣль, между звѣремъ и его добычею, чѣмъ остановилъ стремленіе вепря и вонзилъ въ него свое копьё. Въ это время успѣли подѣхать другіе охотники и свирѣпый звѣрь былъ убитъ совершенно.

Предпріятіе Велики обратило на себя вниманіе всѣхъ; она хотя при своемъ паденіи ушиблась и не очень больно, но при всемъ этомъ была не въ силахъ

209

встать на ноги. Всѣ собравшіеся вокругъ нее охотники спрашивали почти наперебивъ о ея здоровьи: она была любима всеми. При этомъ всеобщемъ смятеніи, гдѣ каждый заботился о Великѣ, никто не замѣтилъ грустнаго, тоскливаго взора того, кто спасъ дочь Гетмана. Но печаль ея освободителя не скрылась отъ нея самой.

Охота кончилась. Полубольную Велику отнесли на носилкахъ въ палатку ея отца.

III.

Прошло нѣсколько дней послѣ бывшей охоты, какъ Велика выздоровѣла совершенно и явилась опять между народомъ. Но Велика выздоровѣла только тѣломъ. Точно, ея небольшой убой прошелъ, она даже была въ состояннн явиться опять на охотъ; но съ окончаніемъ болѣзни тѣлесной, у Велики открылась болѣзнь сердечная. Образъ того, кто сдѣлался ея избавителемъ, съ этой минуты сдѣлалъ на ея сердце сильное впечатлѣніе — впечатлѣніе, которое, казалось, должно быть неизгладимымъ. Велика до того дня, въ который быма спасена ея жизнь, хо-

тя и находила удовольствіе въ свиданіи съ тѣмъ, кто былъ ея избавителемъ, хотя съ радостію слушала, когда хвалили его; но все это было ничто съ сравненіемъ того, какое теперь было видно: ревностное усердіе избавителя о ея спасеніи, неустрашимость, съ каковою предавался онъ опасности, его безпокойство о томъ, не сдѣлалось ли Великъ какого-нибудь вреда, и нѣкоторыя черты его лица, въ которыхъ ясно изображались чувства его сердца—сдѣлали вліяніе на ея сердце и воспламенили въ немъ столь сильную страсть, что Велика была уже не въ состояніи ей сопротивляться. Ея врожденная гордость, ея состояніе и всѣ блестящія виды тщетно спорили съ ея честолюбіемъ, тщетно противились ея выбору: ибо ея избавитель былъ сынъ простаго казака. Но при всемъ этомъ Велика чувствовала, что этотъ сынъ простоты имѣлъ такія качества, которыя въ ея

глазахъ превосходили и богатство и знатность. Она знала также и то, что ея отецъ, при подобныхъ случаяхъ, могъ быть совсѣмъ другихъ мыслей, и даже самый братъ, хотя былъ другомъ ея спасителя, но никакъ не согласился бы на столь неравный союзъ. Вмѣстѣ съ этимъ Велика сомнѣвалась въ нежныхъ чувствахъ предмета, встревожившаго ея сердце, а также ея воображенію представлялось тысячу другихъ препятствій. Она безпрестанно колебалась между страхомъ и надеждою.

Избавитель Велики точно былъ другомъ брата ея. Онъ часто хаживалъ въ палатку Гетмана, гдѣ часто видалъ его милую дочь. Всеобщая слава о храбрости этого молодаго человѣка, его осанистый видъ и любезный, веселый нравъ невольнымъ образомъ привлекли на него вниманіе Велики. Да и могъ ли не стоять того этотъ храбрый юноша?... Онъ еще

съ самыхъ молодыхъ лѣтъ показаль многіе опыты своего мужества и неустрашимости. Но когда пришелъ въ возрастъ зрѣльй, то своею дѣятельностію и искусствомъ въ военныхъ упражненіяхъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Стрѣла, пущенная его вѣрною, сильною рукою, всегда достигала до своей предназначенной цѣли, а копье смертельно поражало кабана и лось, да и самый его конь на бѣгу казался подъ нимъ летящимъ.

Этотъ молодой герой имѣль ростъ высокій и величественный, цвѣтъ лица смуглый, подобно своимъ соотечественникамъ, осанку важную, чело возвышенное. Когда, по повелѣнію Гетмана, надлежало казакамъ идти противъ какой-нибудь сосѣдственной орды Татаръ, возставшей на нихъ, тогда никто съ такимъ усердіемъ не спѣшилъ сразиться съ неприятелемъ, и никто по окончаніи кро-

вавой битвы не заслуживалъ своею храбростию и благородіемъ такой похвалы, какъ другъ Хорлу, — такъ было имя сына Гетманова. Большая о семь героевъ слава и самый благородный его видъ обратили на себя вниманіе Хорлу, который, однажды возвращаясь съ симъ героемъ изъ какого-то счастливаго похода, пригласилъ его въ свою палатку. Хорлу ему объявилъ, что онъ почелъ бы себѣ за счастье, еслибъ могъ снискать его дружбу. Молодой герой съ своей стороны также изъявилъ свое желаніе, и съ сего времени Хорлу и новый его другъ всегда вмѣстѣ ѣздили и на охоту и на сраженіе. Ихъ дружба отъ этихъ частыхъ свиданій усиливалась болѣе и болѣе, и съ каждымъ днемъ возрастала.

Всякая ласка, какую только Велика оказывала другу своего брата, казалось, происходила изъ одного угожденія къ послѣднему. Но это самое непримѣтно

вселило въ ея сердце къ нему склонность. Велика, стараясь ему понравиться, плѣнила и сердце юнаго героя; оно воспламенилось сильною страстію. Но неравенство состояній, милости, которыя оказывалъ молодому герою Гетманъ, дружба Хорлу, все это, взятое вмѣстѣ, принуждало его сопротивляться одолеваемой имъ склонности, которая, по всей вѣроятности, непременно должна была причинить ему огорченіе, и, быть можетъ, огорченіе бѣльшее, вмѣстѣ съ которымъ должна его мучить безнадежнымъ желаніемъ любви, или подвергнуть такимъ бѣдствіямъ, которыхъ должно было ему страшиться необходимо! Этѣ и подобныя имъ мысли заставляли молодаго героя гасить въ своемъ сердцѣ вспыхнувшее пламя любви, побѣждать эту страсть, которая могла лишить его дружбы Хорлу и навлечь негодованіе Гетмана. Сего послѣдняго онъ опасался всего больше. Къ

тому же, какъ была велика и неизвѣстность счастливаго успѣха и сколько была сомнительна самая надежда, чтобы Велика изъ одной любви могла быть предана такому человѣку, который былъ такъ далекъ отъ нее и своимъ званіемъ и своимъ состояніемъ!

Страсть любви хотя ужасно и жестоко терзала сердце героя, но онъ старался употреблять всѣ силы, чтобъ ей противоборствовать и, если возможно, то и искоренить изъ своего сердца.

Онъ рѣшился сдѣлать опытъ, не можетъ ли отсутствіе отъ любимаго предмета истребить ту печаль, которую ему причиняла безнадежная любовь, а вмѣстѣ съ этимъ заглушить и самую страсть. Это заставило его гораздо рѣже ходить въ палатку Гетмана. Когда же Хорлу, по своей къ нему дружбѣ, сдѣлалъ выговоры за рѣдкое его посѣщеніе, тогда влюбленный герой всегда старался при-

бѣгать къ разнымъ извиненіямъ и находить причины своего недосуга. Ложь не была знакома съ характеромъ этого молодаго воина; но что же онъ долженъ былъ дѣлать въ этомъ довольно критическомъ случаѣ, какъ не во лжи находить отвѣты себѣ? Однакожъ всѣ старанія влюбленнаго были тщетны: ни охота, которою онъ сталъ заниматься чаще обыкновеннаго, ни военныя занятія, ни укрощеніе дикихъ питомцевъ степей, ни соколы и гончія собаки, однимъ словомъ, ничто не могло излечить глубокой раны сердца, или отвлечь мысли влюбленнаго отъ любимаго имъ предмета. Даже самая разлука увеличивала, разжигала пламя любви, дѣлала его неукротимымъ, всесожигающимъ. Справедливо сказалъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ:

«Любовь огонь, а сердце порохъ;
Одна минута—и пожаръ!»

Молодой храбрый воинъ видалъ часто Велику — Велика видала его. Причина ихъ свиданія была та, что онъ чаще другихъ изъ казаковъ бывалъ на службѣ у Гетмана. Не проходило недѣли, чтобъ этотъ храбрый юноша не бывалъ наряженъ Эсауломъ къ Гетману, или на вѣсти, или для исправленія какой-нибудь другой должности. Все это давало возможность ему видѣть милую Велику, а ей стройнаго, ловкаго, молодаго казака. А любовь краснорѣчива и при молчаніи. Предатели — взоры высказываютъ невольно то, что чувствуютъ сердца, что хотѣлъ бы высказать языкъ!... Такъ было между Великой и молодымъ казакомъ. Случаи доставляли имъ частыя свиданія, ихъ сердца откликнулись одно другому, любовь ихъ сгармонировала и они тайно, предаваясь ей, любили другъ друга. Но при всемъ этомъ надобно замѣтить, что ни молодой юноша не

рѣшался явно изъяснить свою страсть, ни сама Велика когда бы рѣшилась хотя чѣмъ нибудь особеннымъ открыть чувства своего сердца. Онъ и она любили другъ друга, но любили скрытно, тайно. Правда, иногда случалось, что храбрый, красивый казакъ старался въ нѣкоторыхъ случаяхъ услуживать усердно дочери Гетмана; но развѣ другіе не могли дѣлать тоже? Впрочемъ здѣсь можно было замѣтить различіе: Велика за услуги другихъ казаковъ хотя и благодарила ихъ, но въ этой благодарности была видна одна холодная учтивость, а въ принимаемыхъ оную — какое-то подобострастіе, робость.

Чтожь касалось до ея благодарности къ этому храброму воину, то въ ней невольное было можно замѣтить какую-то особенность.... ея взоръ не высказывалъ одну учтивость, но съ нею было слито что-то

другое, болѣе нежели радушное, привѣтливое.... въ немъ отвѣчивалась и радость, и надежда, и удовольствіе. Да и молодой юноша, принимая эту благодарность, казалось, отвѣчалъ тѣмъ же. Въ его глазахъ блистала самонадѣянность, желаніе, веселіе, страсть....

Если иногда бывало, что ихъ взоры встрѣчаются вмѣстѣ, то это походило на встрѣчу любви съ радостію. Впрочемъ, хотя они ихъ и потупляли, но самая эта скромность говорила о многомъ....

Любовь лишена терпѣнія, почему молодой, влюбленный юноша старался найти случай доказать оную не одними безмолвными взорами, но самыми дѣйствіями, которыя бы были основаны на чести, храбрости. Желаніе влюбленного не исполнялось. Это его мучило, заставляло предаваться печали, которая, можетъ быть, не ушла и отъ пронизательности

215

Велики. Но наконецъ одинъ случай —
какъ бы устроенный самимъ Провидѣні-
емъ — доставилъ храброму казаку воз-
можность обратить на себя все вниманіе
Велики, а вмѣстѣ съ этимъ и самага Гет-
мана.

III.

Въ то самое время, когда молодой воинъ и, тайно отъ него и отъ всѣхъ, Велика, страдали любовію, на владѣнія Гетмана напали Калмыки. Тревога произошла всеобщая. Гетманъ немедленно собралъ войско. Хорлу былъ назначенъ главнымъ начальникомъ онаго, а храбры молодой воинъ занималъ второе мѣсто по немъ.

Наканунъ дня, въ который назначено было выступить въ походъ, храбрый юноша по дѣламъ войны вошелъ въ палатку Гетмана. Велика въ это время была одна. Гетманъ былъ позванъ на воси-

ный совѣтъ, который составляли тогда народные старшины. Молодой воинъ принужденъ былъ дожидаться возвращенія Гетмана.

Никогда храбрый юноша не былъ въ такомъ критическомъ положеніи, какъ въ это время. Велика, чувствуя сильное бѣеніе своего сердца, была внѣ себя и, казалось, не могла скрыть того, что происходило въ ея душѣ. Самое молчаніе, которое показывало взаимное смущеніе, наконецъ было прервано Великою.

«Храбрый воинъ! сказала она, та неустрашимость, съ каковою вы спасли меня отъ близкой смерти, уже давно заслуживаетъ награду.

— «Милостивая Государыня! отвѣчалъ воинъ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ и бореніемъ души, хотя бы я при этомъ случаѣ лишился жизни, то и тогда бы почелъ себя весьма счастливымъ.

«Вы ни мало не щадите своей жизни,

продолжала Велика. — Я трепещу, когда воображаю ть опасности, которымъ мой братъ будетъ подвергаться вмѣстѣ съ вами. Проклятая война! сказала Велика, обращаясь нѣсколько въ сторону, сколько дѣлаешь ты несчастныхъ!

— «Есть, Милостивая Государыня, такіе же несчастные и во время мира, отвѣчалъ влюбленный юноша. Иногда жизнь въ различныхъ ея случаяхъ, продолжалъ онъ, бываетъ для насъ тяжкимъ бременемъ, отъ котораго можетъ избавить только одна смерть. Мечъ долженъ несомнѣнно очистить мнѣ дорогу сквозь непріятельскія войска или къ славѣ, или къ смерти, а можетъ быть и къ страданіямъ. Ежели побѣда увѣнчаетъ наше предпріятіе, то половина моего желанія совершится; если же я найду смерть, то останусь довольнымъ и тѣмъ, что буду находиться въ числѣ убитыхъ за мою родину!

При послѣднихъ словахъ влюбленнаго
воина слеза невольно выкатилась изъ
глазъ Велики. Страстный юноша видѣлъ,
какъ она упала на ея грудь. Онъ почув-
ствовалъ, подобно электричеству, внут-
реннее волненіе, и оно было такъ при-
нятно, что онъ, сколько ни старался,
но не могъ однако же скрыть его.

Приходъ Гетмана прервалъ все, даже
самое молчаніе.

«Ступай, сказалъ онъ молодому воину,
приготовляйся завтра въ походъ. Препо-
ручаю подъ твое начальство передовое
войско. Храбрость моихъ казаковъ дол-
жна освободить насъ и отечество отъ
ига враговъ. Я знаю твою неустраши-
мость, и не сомнѣваюсь, чтобъ ты и въ
этомъ случаѣ не прославилъ своего име-
ни: возвратишься съ лаврами, или
останешься на мѣсть!...

Велика при послѣднихъ словахъ своего

отца отворотилась: новая слеза появилась на ея рѣсницахъ. Гетманъ, будучи занятъ мыслями, не могъ примѣтить смущенія и разстройства своей дочери.

«Я надѣюсь, сказалъ молодой воинъ, оправдать то благородное мнѣнiе, которое, Гетманъ, вы имѣете о моемъ усердiи и преданности.

Сказавъ это, воинъ низко поклонился, успѣлъ бросить взглядъ на Велику и вышелъ вонъ изъ палатки.

Чтобъ постигнуть теперь чувства Велики, то надобно любить и любить тайно, подобно ей, любить — и не смѣть сказать о своей любви, бояться оной какъ преступленiя, и тогда можно будетъ судить о состоянiи ея сердца, души, всѣхъ чувствъ ея. Если сказать, что она въ своемъ горестномъ положенiи остатокъ дня провела скучно, то этого для

изображенія Велики будетъ мало, недостаточно; сказать, что она была печальна, уныла, то и это не представитъ намъ дѣву любви, и любви тайной, безнадёжной. Слѣдственно надобно быть на мѣстѣ Велики, въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ была она, и тогда можно будетъ высказать о ней больше, опредѣлительнѣе, яснѣе изъяснить ея чувства. Теперь скажемъ только то, что Велика, больше нежели печальная и унылая, но страдающая, вполне несчастная, удалилась въ свою комнату, выслала отъ себя служанку и начала размышлять о происшедшемъ между ею и молодымъ воиномъ разговоръ. Любовь во всѣ вѣка и каждаго изъ людей, даже самаго дикаря, могла и можетъ сдѣлать мечтателемъ. Итакъ, Велика мечтала, а ея сердце было наполнено ужасами, опасностями, не въ отношеніи ея самой, но въ отношеніи любимаго ею предмета.

Любовь овладѣла ею совершенно: Велика не могла сопротивляться ей; волненія этой страсти были ужасны, неизъяснимы!... Въ нашъ вѣкъ, если каждый влюбленный, каждый страдалецъ, прибѣгаютъ къ искусству письма, дабы чувства своего сердца излить на бумагу, то и тогда, во времена отдаленныя, это было извѣстно людямъ такого рода. Велика, думая, что изліяніе любви и чувствъ доставить отраду ея смущенному сердцу и послужить предосторожностію отважному и храброму воину, рѣшилась написать ему нѣсколько словъ. Впрочемъ, вѣрно увѣренъ каждый изъ читателей, что Велика писала къ предмету любви своей не такъ, какъ писала Татьяна къ Онегину, и что *розовая обложка не сохла на ея воспаленномъ языкѣ*. Да и не возможно было случиться ни тому, ни другому. Первому потому, что Велика жила въ XVI, а не въ XIX столѣтіи, а второму отъ того, что она

писала не на бумагъ, а на листь древе-
сномъ.

Вотъ что дрожащею рукою писала
Велика къ предмету своей любви:

*«Храбрый воинъ! не забывай въ сра-
женіи Велики и спасай жизнь свою!»*

Написанное на листь Велика велъла
своей вѣрной служанкѣ отнести къ тому
воину, который почитается другомъ Хор-
лу. Приказаніе было исполнено въ точ-
ности.....

Влюбленный воинъ, въ ту минуту, ко-
гда служанка Велики вошла въ его па-
латку, сидѣлъ въ глубокой задумчивости,
облокотясь одною рукою на столъ. Воз-
лъ него тускло горѣлъ ночникъ. Онъ
размышлялъ о происшествіяхъ мину-
шаго дня, колебался между страхомъ и
надеждою, и не столько занимался опас-
ностями, ожидавшими его въ полѣ, сколь-

ко страшился гнѣва, который могъ возбудить въ сердцѣ дочери Гетмана, открывъ ей настоящее состояніе своей души.

Влюбленный былъ пораженъ удивленіемъ и радостію, когда прочелъ полученную записку. Онъ съ неизъяснимымъ восторгомъ прижалъ ее къ своимъ устамъ и сердцу, и поклялся, что хотя его состояніе и не соотвѣтствуетъ знатному состоянію Велики, но онъ по крайней мѣрѣ докажетъ своими дѣлами, что не недостойнъ выбора дочери Гетмана....

Волнуемый любовію, надеждою и страхомъ, онъ во всю ночь не могъ сомкнуть своихъ глазъ. Сонъ бѣжалъ его совершенно. Тысяча очаровательныхъ мечтаній, прерываемыхъ страхомъ и сомнѣніемъ, и смѣняемыхъ одно другимъ, столько занимали душу влюбленного юноши, что онъ не могъ примѣтить, какъ про-

шла цѣлая ночь и лучи солнца освѣтили
горизонтъ. Но когда утренняя заря смѣ-
нилась царемъ дней и разсѣяла нѣсколь-
ко мечты страстнаго воина, тогда онъ
вскочилъ съ своей постели, сѣлъ на ло-
шадь и поскакалъ въ поле.

IV.

Утихъ, молчитъ казачій станъ,
Безмолвно все до битвы новой.
Сложивъ коньѣ, булатъ, арканъ,
Всегда одѣтъ, всегда готовый,
На нихъ заснулъ казакъ суровый.
Проснулся день; наметы въ прахъ;
Къ набѣгу спрянулъ станъ казачій.
Готовъ все искать въ болахъ
Добычи, смерти, или удачи.
Стоялся дружно, казаки
Высматриваютъ знакъ условный,
Идутъ мановенія руки, —
Все неподвижно, все безмолвно!..

А. Шишковъ.

Между тѣмъ Калмыки спѣшили на-
пасть на казаковъ и уже приблизились
къ ихъ стану на одинъ день ѣзды. Гет-

мань, ни мало не теряя времени, далъ повелѣніе нашему молодому воину, — читатели вѣрно принимаютъ въ немъ участіе, — идти впередъ съ тысячею казаковъ, а своему сыну слѣдовать за нимъ съ главною арміею.

Уже дымъ начиналъ подыматься въ лагерь непріятелей и передовое ихъ войско расположилось на возвышенныхъ мѣстахъ. Нашъ удамой храбрецъ находился только въ четырехъ верстахъ отъ Калмыковъ. Онъ старался какъ можно ближе еще подойти къ ихъ стану, дабы узнать о ихъ положеніи. Наконецъ увидѣлъ, что непріятель укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ, и что главная его армія стояла за пригорками, которые были заняты передовымъ войскомъ. Время для нашего храбреца было самое критическое. Но какъ то мѣсто, на которомъ стоялъ непріятель, хорошо было извѣстно влюбленному воину: ибо онъ часто бывалъ

тамъ на охотѣ, то и видѣлъ, что напасть на непріятеля спереди было довольно опасно. Онъ сообразилъ, и даже былъ увѣренъ, что обойдя Калмыковъ тою дорогою, которая лежала къ лѣвой сторонѣ, на разсвѣтъ могъ съ успѣхомъ напасть съ тыла на ихъ лагерь, и особенно тогда, ежели Хорлу подойдетъ къ нему на помощь съ главною арміею и займетъ тѣ мѣста, гдѣ стояли его палатки.

Весь этотъ планъ былъ сообщенъ Хорлу. Онъ его одобрилъ. И какъ скоро настала вечеръ, то нашъ храбрый юноша выступилъ въ походъ противъ непріятеля, а Хорлу, въ полночь, со всею арміею подвинулся къ его палаткамъ, Храбрецъ съ отборнымъ своимъ войскомъ скоро обошелъ правое крыло Калмыковъ, а на разсвѣтъ съ неизъяснимою храбростію устремился съ тыла на непріятельскій лагерь. Какъ скоро началась первая тревога, то Хорлу съ своимъ войскомъ

приблизился къ пригоркамъ и съ величайшимъ мужествомъ подкрѣплялъ своего отважнаго друга. Калмыки были разбиты и предались бѣгству. Къ чести храбраго молодаго воина надобно было отнести то, что онъ, видя изступленіе своихъ казаковъ, поражавшихъ непрестанно бѣжавшихъ Калмыковъ, старался, по врожденному челоуѣколюбію, удержать храбрецовъ отъ убійства, похожаго на убійство однихъ варваровъ. Побѣдителямъ достался весь лагерь непріятеля, со множествомъ плѣнныхъ и знатною добычею.

Былъ вечеръ. Солнце совершило свое дневное теченіе и лучи его уже не освѣщали землю. Тишина, подобно могильной, царствовала въ лагерь побѣдителей, и только въ одной палаткѣ слышны были голоса разговаривавшихъ. Три протыхъ казака, лежа на своихъ походныхъ войлокахъ, судили о бывшемъ сраженіи

и о храбрости своего молодого предводителя.

Первый казакъ. Ну, братъ Иванъ, вотъ это было по нашенскому. Проклятые Калыки вѣрно не захотятъ опять нападать на насъ.

Второй казакъ. Да если бы и захотѣли, то навѣрняка съ ними случится то же. Опять только потеряютъ все свое, а наше останется за нами. Да за дѣломъ, окаяннымъ!

Третій казакъ. А признайтесь-ка, ребята, что если бы не нашъ храбрецъ, то навѣрное мы не надѣлали бы того, при чемъ остались теперь.

Первый казакъ. Что правда, товарищъ, то правда. Можно сказать утвердительно, что нашъ начальникъ въ этомъ сраженіи надѣлалъ чудеса своею храбростию, и всю побѣду можно приписать единственно его мужеству и благоразумію!

Второй казакъ. Справедливо, Герасимычъ. И вы, товарищи, я думаю, помните, какъ онъ съ горстью нашихъ храбрецовъ напалъ на непріятеля прежде, нежели могла подоспѣть къ нему на помощь и съ нимъ соединиться главная армія. Какъ онъ ободрялъ ихъ своимъ примѣромъ!

Третій казакъ. Почему же ты, Иванъ, не хочешь сказать насъ. Вѣдь, кажись, и мы были тутъ же; я даже видѣлъ, какъ нашъ храбрый начальникъ саблею одного проклятаго Калмыка былъ раненъ въ голову. Жаль одного, что мнѣ не удалось этого окаяннаго отправить на тотъ свѣтъ. Впрочемъ, ужъ не положилъ на свои руки охулокъ!

Первый казакъ. Славу Богу, товарищи, что еще нанесенная рана не была опасна! Сабля сорвала только кожу; впрочемъ, не смотря на маловажность раны,

силы нашего храбраго начальника ослабли отъ большаго теченія крови.

Второй казакъ. При мнѣ онъ былъ отнесенъ, полумертвый, въ ближайшую палатку.

Третій казакъ. Теперь, слава Богу, опасность миновалась: рана поджила, силы нашего предводителя укрѣпились, и есть надежда, что онъ скоро будетъ опять между нами.

Ударило за полночь; голоса разговаривавшихъ умолкли и во всемъ лагерь казаконъ не было слышно ни малѣйшаго шороха....

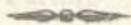
Гетману былъ извѣстенъ благоразумный поступокъ того, кому онъ ввѣрилъ начальство надъ передовымъ войскомъ; онъ зналъ о неустрашимости этого начальника, а также и о той опасности, въ которой находился этотъ храбрый

юноша. Онъ много сожалѣлъ о немъ и нетерпѣливо ждалъ того дня, въ который бы могъ получить извѣстiе о выздоровленiи молодаго героя... Но что же въ это время чувствовала Велика?... Она, мучимая страстью, горѣла нетерпѣнiемъ узнать, въ какомъ состоянiи находился предметъ ея любви, и едва могла скрывать жестокою своею печалью. Всѣ окружающiе ее были въ восхищенiи, по случаю одержанной побѣды, но сердце Велики терзалось неизъяснимымъ мученiемъ. Болѣзнь молодаго воина изгнала изъ ея сердца всякое чувство радости.

Прошла недѣля, и Велика начала освобождаться отъ своихъ мрачныхъ мыслей. Раненый воинъ подавалъ надежду къ скорому выздоровленiю. Вмѣстѣ съ этимъ какъ было не радоваться Велики: всѣ казаки почитали предводителя передоваго войска своимъ избавителемъ, и всѣ единодушно признавали, что побѣда бы-

ла одержана единственно по его благо-
разумію и неустрашимости. Самъ Гет-
манъ посѣтилъ наконецъ больного, и въ
награжденіе его заслугъ произвелъ въ
почетное званіе при войскѣ.

Казалось, что все споспѣшествовало
желаніямъ молодаго храбрца. Бывши
сыномъ простаго казака, онъ, наконецъ,
единственно чрезъ свои заслуги сдѣлался
извѣстнымъ, достигъ власти начальника
и заслужилъ всеобщее уваженіе. Но мог-
ла ли на все это смотрѣть спокойно за-
висть?

V.

..... Жажда зла

И кровь въ глазахъ его пылала:
Казалось, молча выметали
Изъ усть проклятье и хула.....

А. Ш.

Въ глазахъ волшебницы невинной
Читалъ доврчивый покой;
Сгарая, трепетной рукой
Перебиралъ косою длинной,
Дыханье усть въ себя вбивалъ;
Желанье скрытнаго признанья
И груди полной колыханье
Кипищей грудью измѣрялъ.

А. Ш.

Давно высказано многими, что человекъ рожденъ на добро и зло, что сердце человека больше стремится къ послѣдне-

му, нежели къ первому, и что каждый человекъ невольно и скорѣе предастся страстямъ, проистекающимъ отъ зла, нежели отъ добра. Такъ и сынъ Гетмана — Хорлу, при всей своей дружбѣ къ храброму молодому воину, сталъ питать къ нему, за полученныя имъ почести, чрезвычайную зависть.

Она, подобно жалу змѣи, впила въ его сердце и не давала ему ни на минуту покоя. Хорлу почиталъ себя обиженнымъ, видя, что тотъ, который такъ недавно былъ отъ него далекъ своимъ званіемъ, теперь предъ нимъ столько возвысился всеобщею похвалою. Онъ хотя и продолжалъ оказывать ему свое расположеніе и дружбу, но все это было одно притворство. Хорлу смотрѣлъ на него завистливымъ окомъ соперника, въ его душѣ гнѣздилась ненависть....

Наконецъ болѣзнь храбраго воина прошла. Онъ явился къ Гетману, и бла-

годарилъ его за оказанныя ему милости и почести. Больше всего влекла его туда страсть и желаніе видѣть милую Велику. Кто любилъ, тотъ знаетъ по опыту, что страсть любви преодолагаетъ все!...

Въ то самое время, когда влюбленный юноша-воинъ шелъ благодарить Гетмана, въ переднихъ комнатахъ встрѣтилъ служанку опять Велики.

«Когда вы будете возвращаться назадъ, сказала тихо служанка влюбленному, я буду опять здѣсь.»

Для какого бы влюбленнаго подобныя слова не были памятны, замѣчательны и не обратили бы на себя его особенное вниманіе? Если вѣка грубости представляють намъ много примѣровъ оной, если и самые дикари кажутся намъ варварами; то, не смотря на все это, страсть, которую мы называли любовію, во всю времена имѣла надъ людьми свою силу, мощество. Она была также изобрѣтатель-

на, какъ и въ вѣкъ, который названъ просвѣщеннымъ. Влюбленный юноша, услышавши сказанное служанкою Велики, въ ту-жъ минуту, не входя въ покой Гетмана, вынулъ изъ своего розоваго кушака древесный листъ и скоро написалъ на немъ:

«Велика! я живу теперь по повелѣнiю вашему, а безъ васъ смерть была бы моимъ удѣломъ, и этотъ удѣлъ былъ бы для меня самый прiятнѣйшiй. Ваша знатность приводитъ меня въ отчаянiе. Согласитесь, какъ могу я, рабъ вашего родителя, упасть, какъ влюбленный, къ ногамъ вашимъ, назвать васъ моею и наслаждаться этимъ неизъяснимымъ счастьемъ?»

Написанное было спрятано; чрезъ минуту послѣ сего въ залу вошелъ Гетманъ, окруженный многими знатными чиновниками. Велика находилась подлѣ отца. Румянецъ невинности и тайной любви

покрываль нѣжныя, полныя щеки молодой казачки; онъ еще болѣе возвышалъ ея красоту, а особенно въ ту минуту, когда Велика устремляла свои черныя глаза на предметъ своей любви. Какъ мило, пріятно смотрѣть на влюбленную дѣвицу, а особенно въ то самое время, когда при ней находился тотъ, кого она любитъ и когда она старается скрыть свою любовь!...

Всѣ бывшіе съ Гетманомъ поздравляли молодого воина съ благополучнымъ выздоровленіемъ, а онъ благодарилъ отца милой Велики за оказанныя ему милости и почести.

«Ты достоинъ ихъ — отвѣчалъ Гетманъ съ приметною гордостью, — и давно заслужилъ своею храбростію и благоразуміемъ.

Молодой воинъ принесъ вторичную благодарность.

Должно было быть на мѣстѣ Велики,

дабы постигнуть тѣ чувства, которыя въ ту минуту обладали ея сердцемъ. Ея душа была полна радости, удовольствія, надежды!...

Гетманъ вскорѣ оставилъ собраніе, а съ нимъ вмѣстѣ ушла и Велика. Влюбленный юноша, обласканный приближенными Гетмана, не находя болѣе причинъ оставаться, также ушелъ. Если онъ поспѣшилъ оставить это собраніе и не хотѣлъ оставаться долѣе, то причиною этого были слова служанки и написанная имъ записка. Вошедши въ тѣ самые покои, гдѣ не задолго предъ симъ онъ встрѣтилъ рабу своей повелительницы, онъ вторично ее нашелъ тамъ. Отдавши скоро ей написанную записку, влюбленный юноша поспѣшилъ въ свою палатку.

По возвращеніи домой всѣ мечты страстного юноши были наполнены однимъ: онъ боялся, чтобъ написанная имъ записка не показалась дерзкою для Вели-

ки, сожалѣль, за чѣмъ написалъ ее, и вмѣстѣ съ этимъ очаровывался какою-то надеждою. Истинная любовь сколько пламенна, столько же и робка. Тотъ, кто любилъ истинно, чье сердце было чисто, какъ самая добродѣтель, чьи чувства были непорочны, тотъ согласится, что любовь храбраго юноши была робка, ибо онъ любилъ истинно.

Наступилъ вечеръ. Мечты влюбленнаго не измѣнились; онъ находился между страхомъ и надеждою; его воображеніе рисовало и картины счастія, и картины печали, жаждало упоенія любви и страшилось будущаго. Не смотря на дикость нравовъ казаковъ, на ихъ суровость, любовь храбраго юношу сдѣлала мечтателемъ, и едва ли не похожимъ на мечтателя XIX столѣтія. Ему съ наслажденіемъ любви представлялись и черные глаза Велики, и ея круглый, полный станъ, и ея бѣлая грудь, и ея прекрасныя перси.

Въ минуту этихъ мечтаній вошла служанка Велики и подала записку. Очарованіе мечтателя довершилось! Онъ, подобно голодному, съ жадностію хватающему пищу, схватилъ изъ рукъ посланной записку. Нетерпѣливо желая знать содержаніе оной, влюбленный скоро развернулъ ее, и съ видимымъ безпокойствомъ, при свѣтѣ ночника, прочелъ слѣдующее:

«Велика не знаетъ притворства; ваша честность, храбрый воинъ, заслуживаетъ довѣренность: приходите къ высокому дубу, который стоитъ на краю лѣса, позади палатокъ.»

Надобно любить и быть на мѣстѣ влюбленнаго, чтобъ себѣ представить то восхищеніе, въ какомъ находился молодой воинъ при полученіи записки. Онъ нѣсколько разъ читалъ ее, прижималъ къ своему сердцу, цѣловалъ, пряталъ, какъ нѣчто драгоценное, и опять вынималъ

предъ свой глаза. Для влюбленнато юноши никогда не текло такъ медленно время, какъ теперь: каждая минута казалась ему часомъ, каждый часъ — днемъ. Онъ, то выходилъ изъ палатки, то опять входилъ въ оную. Луна—эта свидетельница тайныхъ свиданій—еще не показывалась; влюбленный даже страшился, чтобъ какая-нибудь невѣдомая сила не остановила ея теченія. Любовь нетерпелива. Страстный юноша за часъ до назначеннаго времени, накинувъ на себя плащъ, спышилъ на мѣсто свиданія.

Томная, полублѣдная луна — эта подруга влюбленныхъ, начала выкатываться изъ-за отдаленныхъ предѣловъ Каспійскаго моря. Она бросала столь неясные лучи на окружные пространные лѣса, что едва можно было различать предметы. Глаза страстнаго юноши почти неподвижно были устремлены на палатку милой Велики. Его пугали тысяча неприят-

ныхъ мыслей. Онъ боялся, чтобъ Велика, по какому нибудь встрѣтившемуся случаю, не осталась дома, или не заблудилась бы въ темнотѣ лѣса и не сдѣлалась добычею хищнаго звѣря. Вмѣстѣ съ этимъ онъ мечталъ о пріятности той минуты, въ которую Велику увидитъ одну, безъ свидѣтелей, подъ кровомъ звѣзднаго неба. «Какъ я буду счастливъ, говорилъ влюбленный самому себѣ, когда милой, прелестной Велики свободно выскажу чувства моего сердца, страданія и боязнь души! Когда, быть можетъ, и отъ нее самой услышу то же, услышу, когда она мнѣ скажетъ: «воинъ, я люблю тебя!» О, съ чѣмъ тогда сравнится мое блаженство, мое счастье! Я тогда буду считать себя благополучнѣе каждаго изъ смертныхъ!»

Сими и подобными имъ мечтами было занято воображеніе страстнаго юноши въ ту минуту, когда онъ, на означенномъ мѣстѣ, дожидался предмета своей любви.

Наконецъ въ минуту сихъ мечтаній, пріятныхъ, сладостныхъ для влюбленнаго сердца, онъ примѣтилъ въ дали, между деревьями лѣса, мелькающую тѣнь, которая тихо, съ видимою осторожностію, пробиралась къ тому самому мѣсту, гдѣ находился страстный юноша. Луна начала свѣтить яснѣе. Влюбленный съ своей стороны также началъ подходить къ являющейся тѣни. Это была Велика. Онъ бросился предъ ней на колѣни. Радость влюбленнаго была неизъяснима. Восторгъ не давалъ свободы его языку. Но прошла эта минута самозабвенія, страстный юноша наконецъ тихо сказалъ:

«Прекраснѣйшая изъ дѣвъ! прости дерзость того, который осмѣлился простирать на дочь знаменитаго Гетмана взоры любви. Вيني не меня, но любовь и мое сердце, противъ которыхъ я не въ силахъ противоборствовать.

«Храбрый воинъ! отвѣчала Велика, я

почла бы себя недостойною, если-бъ презрѣла такимъ честнымъ и храбрымъ воинномъ, каковъ ты, а вмѣстѣ съ этимъ стала тебя мучить неизвѣстностію. То, что теперь я сдѣлала, должно тебя увѣрить, что Велика отдаетъ полную справедливость всѣмъ твоимъ достоинствамъ.

При послѣднихъ словахъ Велика пода-ла руку предмету своей любви и проси-ла его встать съ колѣней.

Желаніе было исполнено. Страстный юноша схватилъ руку Велики и съ жа-ромъ напечатлѣлъ на ней поцѣлуй.

Любовники сѣли близь сказаннаго ду-ба. Если бы они жили въ вѣкъ нашъ, то, вѣроятно, что разговоръ начали бы сравненіями, подобіями, чтеніемъ чужихъ элегій, нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Парни, Ламартина, Пушкина, Козлова; но мои влюбленные жили въ XVI столѣтіи, жи-ли тогда, когда еще не существовали ни Элизе, ни Абельярдъ, ни Шар-

лотта, ни Вертеръ, слѣдственно ихъ разговоръ долженъ былъ начаться прямымъ изъясненіемъ въ любви, клятвою быть вѣрными другъ другу и храненіемъ всего этого въ тайнѣ. Для нихъ, какъ и для всѣхъ влюбленныхъ, въ то время часы казались минутами, минуты самыми кратчайшими мгновеніями. Ихъ разговоръ былъ разговоръ душъ и сердець. Описать разговоръ этотъ — не возможно. Можно согласиться, что чувства страстей во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одинаковы: утонченная извѣженность ввела въ употребленіе страстные изъясненія, естественныя выраженія замѣнились вымыслами разгоряченной фантазіи. Мы часто, упоенные любовію, переносимся въ міръ идеализма и натверживаемъ предмету своей любви то, что далеко нашихъ чувствъ, нашего сердца. Влюбленный воинъ поступалъ не такъ: онъ открывалъ свои чувства съ большою простотою, его изъ-

ясненія были искренны, справедливы....
Да и Велика своими чувствами не гармонировала двѣмъ просвѣщеннаго XIX столѣтія. Въ нихъ отражалась истина, какъ отражаются въ зеркаль водѣ предметы береговые. Ей не было знакомо ни притворство, ни кокетство — этъ добродѣтели женщинъ нашего вѣка. Велика говорила то, что было на ея душѣ, что чувствовало ея сердце!... Прекрасная Велика, сколько ты должна быть предпочтена предъ многими особами твоего нѣжнаго, но, вмѣстѣ съ этимъ, слабого пола!...

Луна свершила половину своего теченія и напомнила влюбленнымъ о минутѣ разлуки, Роковая минута! ты, подобно деспоту, разлучаешь страстныхъ, пламенныхъ сердца, наводишь на нихъ тоску, скуку, и минуты восторговъ, радостей превращаешь въ минуты печалей!

Страстные, но еще невинные любовни-

ки, должны были разстаться. Влюбленный воинъ провожалъ Велику до того мѣста, гдѣ еще можно было сказать имъ послѣднее «прости». — Наконецъ оно было сказано, влюбленный юноша поцѣловалъ руку Велики, прижалъ ее къ своему пламенному, сильно бьющемуся сердцу, и разстался съ нею до разсвѣта.

Влюбленные не позабыли уговориться о продолженіи тайныхъ свиданій, въ которыя они могли наслаждаться тѣмъ неизяснимымъ удовольствіемъ, каковое могутъ чувствовать сердца, преданныя одной любви. Эта же страсть изыскательна. Велика, дабы отклонить всю опасность, склонила на свою сторону ходившую за ней служанку, которая, въ вечеръ, назначенный для свиданія, всегда оставалась въ ея комнатѣ. Бывъ съ Великою одного роста, она надѣвала ея платье, а дочь Гетмана платье служанки, и такимъ образомъ, безъ всякаго подозрѣнія,

могла имѣть въ ночное время свиданіе съ предметомъ своей любви.

Эти тайныя свиданія продолжались, страсть любви увеличивалась въ сердцахъ Велики и храбраго воина, и они, не смотря на все препятствія, которыя могли явиться при ихъ соединеніи узами брака, начинали надѣяться, не предавались отчаянію и наслаждались настоящимъ, ожидая дней лучшихъ, счастливыхъ.

Любовь, какъ страсть могущественная, иногда основываетъ свою надежду и на одной тѣни.

VI.

Хладно въ могилъ, хладно въ темной!
Ветры тамъ вьютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучать.

Н. Карамзинъ.

И мыслить онъ: на краткій мигъ
Куда исчезъ ты, призракъ счастья?
Впервые счастье я постигъ
Подъ тучей лютаго несчастья!
Исчезло все — мечты любви,
Младыхъ надеждъ и шумной славы!
О сонъ! повѣй, возобнови
Мои протекшія забавы!!

А. Ш.

Судьба спасла героя моего,
А имя сохранила для потомства.

И. Г — въ.

Побѣды отца Велики дѣлались болѣе и
болѣе извѣстными, слухъ о нихъ рас-

пространялся день отъ дня, а съ этимъ вмѣстѣ распространялся слухъ и о красотѣ милой Велики. Многіе изъ сосѣдей Гетмана искали руки ея, но ни одинъ юноша не могъ обратить ея особаго вниманія. Причина очевидная: ея сердце было отдано, и Велика любила страстно, пламенно, истинно, любила безъ перемѣны! Наконецъ слухъ о дочери Гетмана достигъ до владѣтеля Конташа.

Конташа былъ одинъ изъ сильныхъ Татарскихъ Князей. Онъ въ это время владѣлъ всею Южною Сибирью. Его владѣнія были довольно пространны и простирались отъ Царства Астраханскаго, еще тогда не покореннаго Россією, до границъ Монголіи. Конташа платилъ дань Китайцамъ. Его подданные, подобно всѣмъ Татарскимъ поколѣніямъ, вели жизнь кочевую, жили въ кибиткахъ и, для лучшаго и удобнаго прокормленія своего скота, переходили съ одного мѣ-

ста на другое. Это составляло ихъ богатство. Имъ не было знакомо ни земледѣліе, ни другія работы, и единственное ихъ упражненіе и забава состояли въ звѣриной охотѣ. Ихъ пища была изъ рога-таго скота и овецъ, но при всемъ этомъ они предпочитали лошадиное мясо, а кобылье и коровье молоко служило имъ вмѣсто питья, изъ котораго они дѣлали при его закисаніи довольно крѣпкой напитокъ. Кожи овецъ и другихъ дикихъ звѣрей доставляли имъ одежду, во все продолженіе года, которую зимою носили шерстью въ низъ. Шапки сихъ Татаръ были изъ такихъ же кожъ. Въ праздничные дни они наряжались въ мѣха лосей, оленей, лисицъ, медвѣдей и другихъ звѣрей. Мѣха сихъ жителей льсовъ служили имъ и вмѣсто постелей: одни постилали они на лавки въ своихъ войлочныхъ кибиткахъ, а другими покрывали себя. Тѣ выгоды, которыя мо-

гла бы доставлять торговля, были имъ неизвѣстны совсѣмъ, и если оными пользовались, то только нѣкоторые, знатнѣйшіе изъ Татаръ, которые, на произведенія своей земли, вымѣнивали Китайскія и Персидскія шелковыя матеріи.

Теперь обратимся къ самому Конташа. Сей Князь, услыжавъ о красотѣ Велики, рѣшился отправить къ ея отцу посольство. Это было подѣ предлогомъ поздравленія Гетмана съ одержанною имъ побѣдою, но главнымъ намѣреніемъ Конташа было то, чтобъ узнать, точно ли Велика была такъ хороша, какъ ее описывали. «Ежели этотъ слухъ будетъ справедливъ, говорилъ самъ себѣ Конташа, въ такомъ случаѣ я буду намѣренъ требовать ея руки, а мое предложеніе, какъ я думаю, не можетъ не польстить честолюбію Гетмана.

Посольство было отправлено. Главная цѣль оного не была тайною, и хотя о

ней сначала говорили довольно тихо, но наконецъ эта новость сдѣлалась извѣстною всѣмъ и для любовниковъ была громовымъ ударомъ.

Открывшееся обстоятельство положеніе влюбленныхъ сдѣлало несноснымъ. Любовь, которую они питали другъ къ другу тайно и чрезъ которую находили сладость, превратилась въ боязнь. Подобная любовь, сколько мы о ней не сожалѣемъ, сколько влюбленные ее не скрываютъ, рѣдко бываетъ счастлива, рѣдко бываетъ тайною!... Все подобное, сколько не стараемся скрывать, обнаруживается, дѣлается извѣстнымъ. Такъ любовь и участь Велики, о которыхъ нельзя не сожалѣть, должны быть наукою каждой изъ дѣвицъ нашего вѣка. Страсть любви, сколько неизяснима, увлекательна, прекрасна, очаровательна, столько вмѣстѣ съ этимъ безпредѣльно опасна!...

Скажу вмѣстѣ съ этимъ, что каждая дѣвица нашего вѣка (да не сочтутъ это за наставленіе) не должна безъ согласія своихъ *почтенныхъ* родителей, какъ любовь ни самовластна, предаваться оной; не должна имѣть связей даже съ мужчинами такими, которые, почему-нибудь, названы отъ многихъ достойными.

Предвижу возраженіе отъ своихъ собратьевъ, которые скажутъ: «развѣ Вертеръ не любилъ Шарлоты? Евгенийъ — Татьяну? развѣ въ самой древности не было примѣровъ истиннаго дружества, не было прямой, совершенной любви? . . .» Согласенъ, господа, совсѣмъ этимъ, и не буду противорѣчить; но согласитесь также и со мной: развѣ одинъ, или два примѣра могутъ быть положительнымъ закономъ для цѣлаго вѣка, для цѣлаго общества людей? . . . Если Вертеръ любилъ Шарлоту, Евгенийъ Татьяну, если и

въ самой древности существовала дружба, существовала любовь истинная, совершенная, основанная на правѣ вѣрности, то изъ всего этого неужели должно заключать, что и въ нашъ вѣкъ можетъ случиться то же? Заключая по последнему вопросу, могу сказать, что дѣвица нашего просвѣщеннаго, образованнаго вѣка, должна беречься мужчинъ, не смотря на всю ихъ нѣжность, доброту, пріятность и обхожденіе, снисходительность, краснорѣчивость въ разговорахъ, не смотря на ихъ утонченное радушіе, *занимательность*....

Но вспомнимъ опять нашихъ влюбленныхъ — Велику и храбраго юношу, и посмотримъ, успѣлъ ли Конташа въ своемъ предпріятіи, могъ ли своею извѣстностію, богатствомъ, обворожить сердце дочери Гетмана, или она осталась вѣрна тому, кто впервые былъ избранъ ея юнымъ, страстнымъ, пламеннымъ серд-

цемъ, а вмѣстѣ съ этимъ узнаемъ, при-
несла ли ей счастіе ея первая любовь,
сдѣлала ли она счастливымъ и того, кто
полюбилъ Велику со всею жаромъ юно-
сти.

VII.

Минуты счастья, наслажденья,
Восторги пламенны — гдѣ вы?
Какъ сладкій сонъ прошли — увы!
Исчезло все безъ возвращенья,
В. Трубииковъ.

Тамъ въ тѣни Чинара
Ермакъ; съ нимъ робкая Теара;
Они одни.... Хорлу, спыши!
Утратить мигъ одинъ опасно....
Но если поздно, потуши
Твой гнѣвъ въ крови моей несчастной.
А. Ш.

Человѣкъ одаренъ разумомъ — чело-
вѣкъ есть существо, сотворенное упра-
влять всѣмъ тѣмъ, что находится на зе-
мль. Все подчинено его власти, а съ этимъ

вмѣстѣ самъ онъ подчиненъ страстямъ. Страсти иногда управляютъ имъ самоуправно: при ихъ обладаніи молчить и самый разумъ. Онъ въ это время бываетъ какъ бы слабъ, или лучше сказать мы чуждаемся его; все наше вниманіе, устремлено на страсти. Такъ Велика, дочь Гетмана Сибири, страстно любя храбраго, молодаго воина, продолжала, по влеченію страсти сердца, имѣть тайныя свиданія. Ахъ, какъ опасны эти свиданія!... Однажды. . . . Но оставимъ это однажды, скажемъ только то, что любовь, обладая сердцемъ Велики, заглушила разумъ — этотъ стражъ чловѣка; онъ пересталъ бодрствовать и влюбленные предались свободно нѣжной страсти.

Слѣдствіе этой свободы скоро обнаружилось. Велика страшилась гнѣва своего отца. Она боялась его, какъ преступникъ боится приговора правосудія.

Между тѣмъ отправленное Конташей

посольство извѣстило о достоинствахъ и красотѣ дочери Гетмана. Конташа гласно началъ просить Велику въ супружество. Гетманъ этому предложенію былъ радъ чрезвычайно. Онъ призвалъ къ себѣ Велику и ей открылъ, съ примѣтною радостію, о предложеніи Князя Конташа. Въ какое пришелъ Гетманъ удивленіе, когда увидалъ, что его дочь поблѣднѣла и почти безъ чувствъ упала на близъ стоявшую софу.

Прибѣжавшія служанки старались употребить все средства къ возвращенію чувствъ Велики. Пришедши въ память, она сказала, что больна и что причина ея болѣзни есть неожиданное предложеніе, сдѣланное ея отцомъ, которое сильно встревожило ея душу, почему и просила, чтобъ это дѣло на время было отложено. Впрочемъ видимое замѣшательство Велики не скрылось отъ проницательности Гетмана.

Велика удалилась въ свои покои, а ея отецъ, терзаемый подозрѣніемъ, гнѣвомъ и страхомъ, пошелъ въ палатку Хорлу. Онъ ему объявилъ, какимъ страннымъ образомъ приняла Велика такое лестное предложеніе. Хорлу сначала удивился, потомъ пришелъ въ чрезвычайное бѣшенство. «Какой нибудь злодѣй, кричалъ онъ, обольстилъ неопытное сердце Велики!»

Не смотря на то, что ни одно обстоятельство еще не обнаруживало тайны влюбленныхъ, но подозрительный Хорлу тотчасъ же обратилъ вниманіе на предметъ своей скрытной зависти. Онъ былъ увѣренъ вполне, что никто изъ другихъ казаковъ, кромѣ известнаго храбреца, не могъ столько легко обольстить сердце его сестры.

«Мнѣ предоставьте, любезный родитель, сказала Хорлу, пришедши въ себя, обнаружить эту тайну и причину, ко-

торая заставила Велику быть невнимательной къ предложенію Князя Конташа. Васъ прошу объ одномъ: скрываете ваше удивленіе и мщеніе, обходитесь съ Великой по прежнему, и не подавайте ни малѣйшаго вида, что вы ее подозрѣваете. Я употреблю всѣ средства надзирать за поступками моей сестры, и надѣюсь, что скоро проникну въ эту тайну, а тогда дерзскій обольститель получитъ достойное наказаніе.

Гетманъ согласился на слова своего сына. Бесѣда кончилась.

Страстная Велика чувствовала всю опасность своего непріятнаго положенія. Въ отношеніи самой себя она была равнодушна, и если чего страшилась, то единственно того, что боялась за предметъ своей любви. Она ясно видѣла всю

пропасть, въ которую ввергался онъ. Впрочемъ, что касалось до нее самой, то Велика была готова терпѣть всякое наказаніе отъ обиженнаго отца, даже и отъ брата. Ее сокрушало несчастіе того, кто для нее былъ дороже самой жизни. Она знала хорошо честолюбіе своего отца и зависть Хорлу, знала, что приближающееся открытіе обратитъ на ея милаго всю ихъ ярость. Велика не имѣла ни малѣйшей надежды предохранить его отъ оной, и всѣ средства, какія только она выдумывала, какъ для сокрытія собственнаго своего положенія, такъ и для спасенія своего любовника, не обѣщали ни малѣйшаго успѣха.

Съ этими мечтами, погруженная въ ужасную грусть, Велика сидѣла въ своей комнатѣ. Самыя слезы не облегчали ея печали. Наконецъ она рѣшилась позвать къ себѣ служанку, дабы чрезъ нее увѣдомить храбраго воина о своемъ не-

счастіи. Велика предполагала, что сколько не были дурны обстоятельства, однако надьялася, что предметъ ея любви, по его благоразумію, скорѣе откроетъ какое нибудь средство къ поправленію оныхъ. Бывъ очарована этою надеждою, она чрезъ свою служанку дала знать своему любовнику, чтобъ онъ приходилъ ночью въ лѣсъ.

Всѣ подобныя свиданія любовниковъ оставались всегда тайною, слѣдственно они ласкались надеждою, что и это свиданіе также кончится счастливо и не будетъ узно ни кѣмъ. Не всегда должно ввѣряться обольстительной надеждѣ — этому мечтательному воображенію нашего сердца!...

Когда бодрствуетъ ненависть и честолюбіе, когда онъ на стражѣ, то что можетъ скрыться отъ ихъ внимательнаго, ревниваго взора?...

Хорлу, подѣ видомъ того, чтобъ на-

вѣстить Велику въ болѣзни, пришелъ къ ней въ палатку. На его лицѣ изображалась совершенно братская любовь и искреннее чистосердечіе. Въ продолженіи разговора Хорлу напомнилъ Велики о предложеніи Конташа; но въ то же время далъ ей почувствовать, что это супружество, хотя довольно лестное, однако со стороны ихъ требуетъ лучшаго разсужденія, и больше потому, чтобъ ея сердце не было принесено въ жертву честолюбія, ежели она не согласна на этотъ союзъ.

Эти слова принесли отраду печальной Великѣ и совершенно усыпили ея подозрѣніе. Она, неопытная, не могла видѣть въ сердцѣ Хорлу скрытаго яда. Лучъ надежды блеснулъ въ душѣ Велики подобно пламени угасавшаго свѣтильника.

Хорлу, по приходѣ къ себѣ въ палатку, велѣлъ разставить вѣрныхъ и пре-

данныхъ ему людей около палатки Велики, строго приказавъ имъ примѣчать дѣйствія тѣхъ, которые будутъ къ ней приходить или уходить отъ нее.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Хорлу былъ у Велики, по уходѣ его пришла къ ней служанка, дабы отнести письмо къ любовнику дочери Гетмана. Одинъ изъ караульныхъ ее примѣтилъ. Онъ издали пошелъ за нею и увидѣлъ, какъ неосторожная посланная бросила письмо въ окошко палатки известнаго храбреца. Караульный немедленно далъ о семъ знать Хорлу. Такимъ образомъ обнаружилась вся тайна, такъ долго скрываемая влюбленными!

Увѣдомленный Хорлу послалъ послѣ сего двухъ вѣрныхъ служителей къ палаткѣ любовника Велики, приказавъ имъ замѣчать за его поступками, и ежели онъ куда нибудь пойдетъ, то съ боль-

шею осторожностію слѣдовать за нимъ, куда бы онъ не пошелъ.

Влюбленный, не подозрѣвая ничего, ожидалъ съ нетерпѣніемъ полночи. Небо было покрыто облаками, изрѣдка мелькали звѣзды и бросали столь слабый свѣтъ, что едва можно было видѣть дорогу. Храбрый воинъ спѣшилъ въ лѣсъ. Въ это свиданіе Велика его предупредила. Нетерпѣніе съ нимъ видѣться заставило ее придти туда прежде времени. Она съ безпокойствомъ ожидала прихода предмета своей любви.

Объ этомъ свиданіи было сообщено Хорлу. Онъ со всею яростію, подобно разсерженному звѣрю, схватилъ саблю и, приказавъ двумъ казакамъ слѣдовать за собою, пошелъ со всею осторожностію въ лѣсъ. Густота листьевъ и темнота ночи препятствовали видѣть Хорлу даже его клевретовъ. Они непримѣтно подошли подъ самые сучья того развѣсистаго дуба,

подъ коимъ сидѣли страстные, но вмѣстѣ съ этимъ опечаленные любовники.

Ихъ пламенный, нѣжный разговоръ, а вмѣстѣ съ этимъ неизъяснимое беспокойство занимали все ихъ вниманіе. Страстный юноша обнималъ страстную Велику; ея голова лежала на его груди, орошаемой ея слезами. Она, разговаривая съ предметомъ своей любви о предложеніи своего отца, клялась ему, что лучше согласится вытерпеть весь жестокия мученія, нежели быть ему невѣрною.

Хорлу все это слышалъ. Гнѣвъ его превратился въ бѣшенство. Онъ обнажилъ саблю и, бросившись на любовника Велики, который не могъ защищаться, сказалъ ему: «А, злодѣй! теперь-то попался ты мнѣ въ руки!» — Хорлу грозилъ несчастному такимъ ударомъ, который могъ бы его повергнуть на землю; но темнота ночи и бѣшенство, въ которомъ въ ту минуту находился Хорлу,

препятствовали вѣрному направленію удара, почему сабля вонзилась въ дубъ, къ которому прислонился тогда несчастный любовникъ. Велика, увидавъ своего брата, упала безъ чувствъ на землю.

Влюбленный юноша не успѣлъ справиться, какъ уже клеветы Хорлу помогли ему вырвать саблю изъ дуба. Несчастный поднялъ лѣвую руку, какъ бы желая отразить удары убійць; но былъ въ оную глубоко раненъ. Онъ, видя неравенство силъ, прислонился спиною къ дубу, и съ трудомъ вынулъ изъ-подъ плаща свою саблю, защищался, какъ лютый звѣрь, противъ нападенія своихъ непріятелей.

Хорлу, раздраженный промахомъ своего удара и горя нетерпѣніемъ повергнуть на землю своего противника, неосторожно бросился впередъ и наткнулся на саблю любовника Велики, которая пронзила его сердце. Онъ упалъ на землю

мертвѣй. Клевреты—спутники Хорлу—
видя, что ихъ начальникъ былъ убитъ,
бросились къ палаткамъ и кликали ка-
раульныхъ.

Между тѣмъ временемъ Велика опо-
мнилась. Ея безпамятство скрыло отъ
нее все происходившее. Она занималась
только опасностію своего любезнаго, все
прочее было для нее ничто.

«Бѣги, бѣги, милый мой другъ!» кри-
чала она предмету своей любви, «и ста-
райся спасти свою жизнь, драгоценную
для Велики!» — При этихъ словахъ она
увидала у своихъ ногъ мертваго и пла-
вающего въ крови Хорлу. Это зрѣлище
лишило ее опять чувствъ.

Тревога распространилась повсюду.
Въ лѣсу начали показываться огни; ка-
рауль гетмана приближался.

Одна минута должна была рѣшить
судьбу несчастнаго любовника. Его ужа-
сное положеніе легче можно вообразить,

нежели описать. Хорлу мертвый лежалъ у его ногъ; Велика была безъ чувствъ. Въ первомъ движеніи своего отчаянія, храбрый, но несчастный юноша, хотѣлъ пронзить себя саблею, дабы прекратить столь несносную для него жизнь. Но слова пришедшей въ себя Велики: »бѣги, бѣги, другъ мой!» — удержали его отъ самоубійства. Онъ оставили глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ несчастнаго и принудили его предаться бѣгству.

VIII.

Ни гдѣ не видно было жизни:
Сокрылось все подъ верный кровъ.
Ранса, бѣдная Ранса!
Скиталась въ темнотѣ одна.

Н. КАРАМЗИНЪ.

Ночь была темная; Волга текла отъ несчастнаго бѣглеца недалеко. Берегъ, на которомъ онъ находился, и нѣкоторая часть рѣки были покрыты довольно высокимъ тростникомъ, наполненнымъ ядовитыми насѣкомыми. Здѣсь несчастный рѣшился искать убѣжища отъ преслѣ-

дователей. Онъ бросился въ рѣку, съ величайшимъ усиліемъ пробирался сквозь тростникъ, но наконецъ утомился такъ, что съ трудомъ могъ держаться на водѣ. Рана, полученная имъ въ лѣвую руку, начала причинять жестокую боль, а его печальное положеніе умножало страхъ. Впрочемъ, мученіе, которое терзало его душу, было для несчастливца еще не-сноснѣе.

Въ семь непріятномъ и печальномъ состояніи пробылъ нашъ бѣглець до самой зари. Точно, его положеніе въ то время было самое невыгодное, даже ужасное: онъ слышалъ топоть лошадей и самый крикъ искавшихъ его людей; они не упустили осмотрѣть и тростникъ; казалось, что несчастный былъ на краю гибели, но Провидѣніе поступило иначе: Оно спасло жизнь несчастливца и сохранило его, можетъ быть, для дѣлъ великихъ!

И кто не согласится, что мы чѣмъ

внимательнѣе разсматриваемъ нашу жизнь, тѣмъ болѣе и болѣе удостоверяемся, что есть Высшее Существо, Которое управляетъ вселенной и Которое на пути нашей жизни склоняетъ насъ къ прославленію Своего Имени.

Бѣглець никакъ не рѣшился оставить днемъ своего убѣжища: онъ рѣшился дожидаться вечера. Съ наступленіемъ онаго, онъ сквозь тростникъ пробрался въ открытую рѣку, и истощенный голодомъ и усиліями, доплылъ до другаго берега Волги. Здѣсь надѣялся быть безопаснѣе.

Первое стараніе бѣглеца было утолить голодъ. Вдали примѣтивъ слабый свѣтъ огня, онъ пошелъ къ нему. Этотъ свѣтъ былъ изъ рыбачьяго шалаша. Несчастливецъ рѣшился просить убѣжища. Бѣдный рыбакъ не отказалъ. Но когда онъ увидѣлъ истощенныя силы пришедшаго и его обмокшее платье, то невольнo рѣшился спросить о случившемся.

Разумбется, бѣглець долженъ былъ прибѣгнуть ко лжи. Онъ сказалъ, что плылъ съ казаками по Волгѣ, что барка ихъ, опрокинувшись отъ поднявшейся бури, потонула, и что спасся только онъ одинъ.

Довѣрчивый рыбакъ и его семейство повѣрили этому разсказу и вмѣстѣ съ этимъ сердечно сожалѣли о несчастномъ положеніи пришельца. Они, видя его чрезмѣрную слабость, поднесли ему стаканъ вина, посадили на скамейку противъ огня, накормили рыбою, обмыли его рану, приложили къ ней травный пластырь и даже уступили самую постель.

Хотя благодѣтельный сонъ сомкнулъ глаза несчастнаго, но могли ли при его положеніи быть тихи, спокойны сновидѣнія. Ему представлялись все страшныя происшествія минувшаго. Образъ Велики, лежащей безъ чувствъ подъ вѣ-

твѣями дуба, и звѣрскій видъ Хорлу, пробуждали его часто отъ сна, приводили въ волненіе и наводили невольный ужасъ.

Наступило утро. Силы бѣглеца возобновились. Онъ хотѣлъ проститься съ гостепріимнымъ рыбакомъ и его семействомъ; но они, видя еще его слабость, уговорили остаться у нихъ. Бѣглецъ согласился, и болѣе потому, что въ такомъ уединенномъ жилищѣ могъ быть въ безопасности отъ своихъ преслѣдователей.

Стараніе и попеченіе добрыхъ рыбаковъ возвратили наконецъ прежнее здоровье храброму, но несчастному воину. Онъ не хотѣлъ уже болѣе беспокоить ихъ своимъ присутствіемъ. Въмѣстѣ съ этимъ онъ полагалъ, что его долгое пребываніе въ этомъ мѣстѣ можетъ разнестись, почему онъ обрѣзалъ свои длинные черные волосы, положилъ на правый глазъ пластырь, и простившись съ

гостепріимными хозяевами, пошелъ по дорогѣ, ведущей въ Астрахань, подѣ именемъ отставнаго солдата Царева войска, и сталъ просить милостыню.

Три дня несчастный бѣглець скитался по дорогѣ, и былъ уже недалеко отъ Астрахани, какъ вдругъ встрѣтился съ караваномъ, который шелъ съ купеческими товарами изъ Персіи въ Казань. Онъ присталъ къ извозчикамъ, которымъ, разсказывая мнимыя бѣдствія, претерпѣнные имъ будто бы на войнѣ, возбудилъ въ нихъ состраданіе.

Извѣстія изъ Астрахани подали большую матерію къ разговорамъ. Одинъ изъ извозчиковъ наконецъ спросилъ нашего несчастливца:

«А что, служивой, не попадались ли тебѣ дорогою казаки, посланные искать какого-то бѣглеца изъ ихъ стана?»

— Нѣтъ, родимой, не видалъ никого.

А развѣ что нибудь тамъ случилось?
спросилъ нашъ бѣглець.

Словоохотные извощики рассказали все то, что слышали въ Астрахани и что большею частію мы уже знаемъ. Наконецъ открыли несчастливцу, что Велика, дочь Гетмана, была найдена полумертвая; что она отъ страха, преждевременно, выкинула ребенка, и что спустя три дня послѣ сего несчастнаго произшествія, вмѣстѣ съ нимъ, погребена въ одной могилѣ.

Бѣглець, слушавшій этотъ разсказъ, былъ внѣ себя. Въ его душѣ боролись: сожалѣніе, страхъ, любовь, безнадежность. Самый ужинъ, за которымъ они сидѣли, былъ позабытъ имъ. Терзаніе его сердца было неизяснимо!..... Онъ нѣсколько времени былъ какъ окаменѣлый; но когда собрался съ силами, то потихоньку отошелъ отъ бесѣдовавшихъ, надъ головами которыхъ дары Вакха взяли

большое преимущество, и упалъ безъ чувствъ на землю.

Свѣтъ дня несчастнаго слѣлался ужасною пустынею, самая жизнь несноснымъ бременемъ, а надежда, питающая душу страдальцевъ, сокрылась какъ блуждающій метеоръ. Какая мрачность окружала его! Онъ, быть можетъ, въ эту минуту призывалъ самую смерть; но она, безжалостная, не шла на призывъ его. Обремененный горестію, онъ лежалъ безъ чувствъ. Извощики почитали его пьянымъ.

Наступило утро. Караванъ собирался отправляться въ дорогу. Одинъ изъ извощиковъ, увидя встрѣтившагося имъ спутника, сидящаго съ наклоненною головою и въ глубокой задумчивости, закричалъ ему: «Ну, служивой, будь повеселѣе; солдатъ не тужить о ранахъ; тебѣ стыдно скитаться. Теперь же такія тягостныя времена, что не много наберешь мило-

стыни. Впрочемъ можешь поправиться. Примись за наше ремесло. Я совѣтоваль бы тебѣ не ходить въ Астрахань, а остаться у насъ. Мы тебѣ поможемъ размыкать твою грусть. Вчера умеръ у насъ одинъ товарищъ: ежели ты хочешь занять его мѣсто, въ такомъ случаѣ я поговорю съ прикащикомъ.

Бѣглець благодарилъ извозчика за его дружеское предложеніе и принялъ оное съ удовольствіемъ.

Вскорѣ полюбили его всѣ товарищи; за него были порукою его сила и расторопность.

Безпрестанное движеніе, въ которомъ находился несчастный бѣглець, снимая и накладывая товары, хотя и не могло потребить въ немъ горестныхъ чувствъ совершенно, но однако нѣкоторымъ образомъ служило къ разсѣянію его мыслей, препятствуя ему заниматься ими и обра-

щая его вниманіе на предметы другіе. Душа человѣческая сотворена такъ, что всегда должна быть въ дѣятельности. Уединеніе въ несчастіи питаетъ и увеличиваетъ меланхолію; напротивъ того трудъ и упражненіе, какъ бы они не были тягостны, подають вѣрное средство къ облегченію печали....

Но возвратимся къ несчастливцу.

Караванъ ѣхалъ нѣсколько недѣль и былъ уже на два дня ѣзды отъ рѣки Камы, которая недалеко отъ Казани впадаетъ въ Волгу.

Печаль, которая терзала сердце и душу несчастнаго, дѣлала его нечувствительнымъ къ прелестямъ тѣхъ мѣстъ, которыя, хотя были не обработаны и не населены, но въ сравненіи съ другими могли похвастаться лучшими.

Грядущія племена, можетъ быть со временемъ, воздѣлають эти мѣста болѣе

и болѣе; на мѣстѣ дикихъ звѣрей явится
трудолюбіе, и тогда благословенная Рос-
сія — этотъ міръ-Государство — возвы-
сится, возвеличится еще болѣе.

IX.

Теперь узнайте вы его!....

ъ.

Наступалъ вечеръ. Солнце еще не съ-
ло за горы; но его кругъ, который на-
чалъ расширяться, пересталъ уже ослѣ-
плять глаза своею яркостію. Въ кара-
ванъ былъ отданъ приказъ остановиться
и разбить палатки.

Все пришло въ движеніе: одни снима-
ли товары, другіе приносили съѣстные
припасы, нѣкоторые рубили дрова, иные

готовили кушанье. Никто не страшился и не думалъ объ опасности, какъ вдругъ изъ лѣса, подлѣ котораго были разбиты палатки, выбѣжала шайка вооруженныхъ людей и напала на караванъ.

Всѣ испугались и начали кричать. Караульные первые предались бѣгству. Купцы не дѣлали ни малѣйшаго сопротивленія, извозчики защищаться не могли. При первомъ выстрѣлѣ разбойниковъ всѣ были объяты страхомъ и разбѣжались.

Не испугался, не предался робости одинъ нашъ несчастный бѣглець. Его врожденный военный духъ, при сей опасности, оживился. Онъ схватилъ саблю и сталъ храбро защищать караванъ. Разбойники, не ожидавшіе сопротивленія, бросились на него. Сабля храбреца удержала на нѣкоторое время ихъ стремленіе. Онъ первую наскочавшую на него лошадь поразилъ столь сильно, что она, вставши на дыбы, опрокинулась назадъ

ВМѢСТѢ СЪ СВОИМЪ ВСАДНИКОМЪ. Другой, слѣдуя за нимъ и желая отмстить за товарища, замахнулся и хотѣлъ повергнуть нашего храбреца на землю, но онъ отразилъ ударъ и съ такою силою ударилъ противника по плечу, что сабля вылетѣла изъ рукъ его.

Предводитель разбойническаго отряда, будучи раздраженъ неожиданнымъ сопротивленіемъ одного изъ цѣлаго каравана, пришелъ въ бѣшенство. Онъ вынулъ пистолеть и выстрѣлилъ въ несчастнаго. Пуля попала въ правую сторону груди, прошла сквозь легкое и вылетѣла подъ лопаткою. Онъ упалъ на землю. Раздраженный разбойникъ устремилъ на него другой пистолеть. Главный атаманъ шайки, видя, что всѣ другіе, бывшіе при караванѣ, разбѣжались и что только одинъ сражался за всѣхъ, почувствовалъ къ отчаянному храбрецу состраданіе. Онъ схватилъ за руку предводи-

теля шайки и велѣлъ ему пощадить жизнь
столь храбраго защитника.

Атаманъ и его помощникъ сошли съ
лошадей. Видя, что храбрый защитникъ
каравана еще дышалъ и что изъ раны
его вытекло немного крови, вмѣстѣ съ
своими ранеными товарищами положили
на найденныя въ караванъ носилки, и
между тѣмъ, какъ другіе грабили сокро-
вища каравана, четверымъ изъ разбойни-
ковъ было приказано отнести раненыхъ
въ мѣсто ихъ скрытаго пристанища. Это
тайное мѣсто находилось въ дремучемъ,
почти непроходимомъ лѣсу, отдѣлявшемъ
Казань отъ Сибири.

Въ то же время, какъ раненые были
принесены въ мѣсто жилища разбойни-
ковъ, нѣкто находившейся у нихъ и знав-
шій нѣкоторыя медицинскія средства,
перевязалъ имъ раны.

Недѣли черезъ три нашъ бѣглець вто-
рично освободился отъ болѣзни. Узнавъ

объ этомъ, атаманъ шайки рѣшился придти къ нему. Атаманъ смотрѣлъ на храбреца съ особеннымъ вниманіемъ, наконецъ сказалъ окружавшимъ его: «Я бы желалъ, товарищи, чтобъ этотъ храбрый юноша вступилъ въ нашу шайку.»

Многими было изъявлено согласіе. Имя нашего бѣглеца было извѣстно между сими разбойниками; причиною этого была его храбрость. Они пришли въ большое удивленіе и радость, когда плѣнникъ разбойниковъ, вставъ съ своего мѣста и положи на грудь руку, сказалъ атаману:

«Государь мой! я казакъ, мое имя Ермакъ; я сынъ простаго казака. Безчеловѣчіе и несправедливость вооружили противъ меня мое отечество; я отдаюсь подѣ ваше покровительство.»

«Ермакъ! Ермакъ!» раздалось между разбойниками. Радость блеснула на ихъ лицахъ.

Послѣ сего нашъ влюбленный не-

счастливецъ подробно разсказамъ атаману свои происшествія, не утаивъ ни малѣйшаго обстоятельства. Тягостные вздохи прерывали разсказъ молодаго несчастливца. Его слушали въ глубокомъ молчаніи и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Звѣрскія сердца разбойниковъ были тронуты словами разсказчика.

Всѣ они почитали себя счастливыми, что попался къ нимъ въ товарищи такой храбрый юноша, почему обходились съ нимъ съ дружескою ласкою.

Всякой разъ, когда выѣзжали на разбой, Ермакъ отличался своею храбростію. Человѣколюбіе и великодушіе, оказываемыя имъ во время хищенія, снискали ему большое почтеніе.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

12 BC

ЕРМАКЪ.

1.

Не сталъ вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей:
За Волгой ночью, близъ огней,
Удалыхъ шайка собиралась.

А. Пушкинъ.

Взглянемъ на жилище разбойниковъ и
на ихъ образъ жизни.

Эти дѣти свободы жили въ то время,
когда начинается нашъ разсказъ, въ до-
лину, лежащей между горами, раздѣляв-
шими Казанское Царство отъ земель, ко-
торья въ XVI вѣкѣ не были еще извѣ-

стны. Дороги, проложенныя между скалами и горами, были только известны имъ; входъ къ онымъ прикрывали дремучіе и непроходимые лѣса. Посреди этой долины протекала широкая рѣка—вѣроятно Кама — изобилующая всякаго рода рыбами.

Горы къ сѣверу были окружены лѣсами, простиравшимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до самаго берега рѣки, надъ которымъ висѣли дикіе утесы. Къ югу было открытое поле, на которомъ возвышались пригорки и рощицы, посаженныя рукою природы. Уральскія горы, теряясь въ облакахъ, ограничивали горизонтъ сей страны.

Почти на самой срединѣ сей долины былъ видѣнъ холмъ, который шелъ отъ сѣверныхъ горъ и, постепенно понижаясь, приближался къ рѣкѣ. Казалось, будто онъ былъ оторванъ отъ ужасной цѣпи горъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, опу-

ская постепенно верхи свои, составляли амѣтеатръ. Природа украсила сіе мѣсто лучшими своими прелестями. Сначала оно было покрыто деревьями, но огонь и сѣкира сравнили ихъ съ землею. Поля удобрились и приготовили такой садъ, который, съ роскошнымъ изобиліемъ, производилъ всѣ растенія.

Здѣсь-то жили тѣ разбойники, къ которымъ попался герой моего романа и герой самой исторіи — человекъ, котораго должно помнить самое отдаленнѣйшее потомство. Никто не зналъ о жилищѣ этихъ дѣтей свободы. Они отправлялись на добычу въ отдаленныя мѣста; оставляли иногда свои жилища на цѣлый мѣсяць. Ихъ пещеры были наполнены различными сокровищами, даже для нихъ бесполезными. Проходившіе караваны, которые бывали ими ограбляемы, доставляли имъ все съ излишествомъ.

Число ихъ состояло изъ тридцати-

шести человекъ. Учрежденный между ними порядокъ былъ наблюдаемъ всеми безъ различія. Они выбрали изъ среды своей атамана. Онъ ими предводительствовалъ во время набѣговъ, но власть принадлежала всему обществу, какъ въ республикѣ.

Хотя сіи жители лѣса имѣли законовъ мало, однако исполняли ихъ во всей строгости. Должно замѣтить самое главное: у этой шайки не было женщинъ. Знаете ли, какая была этому причина? Они почитали ихъ источникомъ всѣхъ раздоровъ.

Мужчины XVI вѣка боялись женщинъ, почитали ихъ источникомъ непріятностей, а мы — представители XIX вѣка — уже не таковы: мы считаемъ женщинъ божествами, кумирами, дѣвами рая, цѣлю нашей жизни. Сколько выгодъ для женщинъ и сколько потерь для мужчинъ!...

Разбойники этой шайки не держали

при себѣ слугъ, и собственно для того, чтобъ не обременять себя излишнимъ числомъ народа. Всякой поочереди оставался дома, приготовлялъ все нужное для своихъ товарищей, и смотрѣлъ за палатками и скотомъ. Между ними не было начальника, но всякое дѣло, касающееся до ихъ общества, рѣшалось по большинству голосовъ, и что полагали однажды, то, безъ всякаго противорѣчія и ссоры, было исполняемо всѣми.

Запасъ былъ у нихъ общій, и какъ они всегда имѣли его болѣе, нежели сколько было имъ нужно, то всякой бралъ себѣ столько, сколько ему было потребно. Никто не смѣлъ въ своей палаткѣ держать припасовъ и другихъ вещей особливо отъ прочихъ и никому не было позволено отлучаться безъ общаго согласія.

Когда выѣзжали на промысль подъ предводительствомъ своего начальника,

тогда онъ имѣлъ надъ ними власть неограниченную и исполняли его приказанія безъ всякаго ропота. Обѣдали и ужинали всегда за однимъ столомъ и служили одинъ другому. Когда-жъ оставались дома, то всякой занимался по своей волѣ рыбною или звѣриною ловлею, или обработываніемъ сада. При такомъ образѣ жизни и при такихъ учрежденіяхъ эти разбойники почитали свою участь довольно счастливою, опасаясь только того, чтобъ ихъ не сыскали.

Частые и иногда варварскіе грабежи, производимые сими разбойниками, жалобы купцовъ на опасности, которымъ были подвергаемы караваны, побудили наконецъ правительство употребить всѣ мѣры, чтобъ сыскать пристанищъ разбойниковъ и ихъ истребить.

По этому случаю Казанской Воевода, когда пошелъ первый караванъ въ Астрахань, отрядилъ для прикрытія онаго часть

команды, и въ то же время приказалъ стрѣльцамъ, чтобъ они, одѣвшись въ платье крестьянъ и смѣшавшись съ извощиками, старались переловить разбойниковъ, ежели они рѣшатся напасть на нихъ.

Шпіоны разбойниковъ, посланные для развѣдыванія, возвратились съ извѣстіемъ, что изъ Казани идетъ караванъ. Они донесли, что хотя при немъ и много народу, но противъ ихъ силы ничто устоять не въ состояніи. Всегдашній счастливый успѣхъ сдѣлалъ ихъ столь отважными и самонадѣянными, что они представляли себѣ заранѣе о своей побѣдѣ и полученіи богатой добычи.

Нашъ герой, Ермакъ, собирался ѣхать съ своими теперешними товарищами, и по всеобщему приговору былъ второй послѣ атамана.

Обращусь къ моему несчастливцу.

Время не могло истребить его горестей; онъ глубоко запали въ его сердце, проникли въ его душу. Воспоминаніе о милой Велики всегда было для него приятно, сладостно! Столѣтнія деревья лѣса часто слышали ея имя, повторяемое его жалостнымъ голосомъ. Для Ермака было большимъ удовольствіемъ, когда онъ могъ ходить подъ тѣнь утеса, висящаго надъ рѣкою, и тамъ на мшистомъ берегу предаваться печальному размышленію о тѣхъ незабвенныхъ часахъ, которыя онъ провелъ въ лѣсу гетмановомъ.

Онъ, то упрекалъ себя, какъ виновника всѣхъ страданій Велики, то проклиналъ вѣроломство Хорлу, то удивлялся жестокости гетмана. Ужасное отчаяніе всегда заключало его размышленія. Онъ чувствовалъ, что лишился всего, потерялъ половину своего существованія... все лучшее въ своей жизни!... По возвращеніи своемъ въ палатку, печальный Ермакъ

хотя и старался казаться веселымъ при своихъ товарищахъ, которые много его любили, но невольная тоска стѣсняла его сердце. Онъ среди самыхъ забавъ часто задумывался, такъ что они находились принужденными употреблять разныя средства къ его развеселенію.

Но если что болѣе развлекало, разсѣявало Ермака, то это были опасныя предпріятія, къ которымъ онъ готовился. Они занимали его вниманіе и служили ему большимъ разсѣяніемъ.

Время для свершенія таковыхъ предпріятій наконецъ наступило. Разбойники, оставивъ въ своемъ жилищѣ только четверыхъ изъ своихъ товарищей, объѣхали далеко горы къ полудню и приблизились дней на шесть ѣзды отъ Казани, къ той дорогѣ, которая шла въ Астрахань. Съ довольно высокаго пригорка, покрытаго лѣсомъ, вскорѣ по захожденіи солнца разбойники увидѣли спускавшій-

ся на обширную равнину къ сѣверу караванъ. Они засѣли на концѣ оной, къ лѣсу, стоявшему на версту отъ той дороги, по которой надлежало идти каравану. До подошвы горы простиралось болото, чрезъ которое былъ проложенъ узкой провѣздъ. Ермакъ совѣтовалъ своимъ товарищамъ воспользоваться симъ выгоднымъ мѣстомъ, говоря, что они съ успѣхомъ могутъ напасть тамъ на караванъ и отнять у него всѣ средства къ оборонѣ. Разбойники, получая всегда успѣхъ отъ своихъ предпріятій, не воспользовались этимъ совѣтомъ и рѣшились напасть на караванъ изъ лѣса. Между тѣмъ, чтобъ вѣрнѣе узнать силы и число непріятелей, то атаманъ и Ермакъ поѣхали на ближайшій пригорокъ, откуда они могли видѣть караванъ, не будучи примѣчены онымъ.

Они видѣли, что караванъ былъ окруженъ малымъ числомъ стрѣльцовъ. По-

лагаясь на свой счастливый успѣхъ, разбойники, подобно пущеннымъ стрѣламъ изъ луковъ, бросились на путешественниковъ, когда они, отдохнувъ нѣсколько на равнинѣ, продолжали свой путь мимо льса. Стрѣльцы отступили назадъ, а прочіе подняли крикъ, какъ будто отъ страха, и побѣжали въ стороны. Хищны непріатели ворвались тотчасъ въ самую средину каравана, предполагая, что уже овладѣли добычею. Но какъ бываютъ невѣрны и обманчивы наши предположенія. Вдругъ нечаянный и довольно мѣткій выстрѣлъ, сдѣланный изъ пятидесяти ружей сзади каравана, гдѣ находились мнимые извозчики, остановилъ стремленіе разбойниковъ и повергъ на землю мертвыми атамана и его четырехъ товарищей. Между тѣмъ стрѣльцы, которые при началѣ боя отступили назадъ, соединившись съ другими, окружили со всѣхъ сторонъ караванъ и разбойникамъ

не оставалось ни малѣйшей надежды къ спасенію. — Послѣдовалъ залпъ другой. Разбойники пришли въ отчаяніе и не знали на что рѣшиться, сражаться или обратиться въ бѣгство.

Храбрый Ермакъ не потерялъ присутствія духа. Онъ, питаясь надеждою избѣжать опасности, закричалъ: »товарищи! ступайте за мною!« — Это одушевило разбойниковъ. Ермакъ ударилъ по своей лошади и въ тожъ мгновеніе врубился въ средину стрѣльцовъ, которые окружали хищныхъ непріятелей. Примеру Ермака послѣдовали его товарищи. Они проложили себѣ дорогу саблями, обагривъ землю кровію многихъ людей. Для разбойниковъ, дабы спасти свою жизнь, этотъ отчаянный поступокъ былъ послѣднимъ средствомъ. Ихъ неожиданное и мужественное нападеніе разсыяло стрѣльцовъ. Каждый разбойникъ думалъ только о самомъ себѣ, гналъ во

весь духъ свою лошадь и старался избѣгать опасности. На что не рѣшится человекъ, когда онъ стоитъ на краю пропасти! . . .

Стрѣльцы, собравшись вторично, сдѣлали погоню за разбойниками въ самый лѣсъ. Извѣстность дорогъ помогла хищникамъ скрыться въ оврагахъ, находившихся въ лѣсу. Въ полночь они съхватились на то мѣсто, гдѣ за день предъ тѣмъ оставили свои съѣстные припасы. Сожалѣя о неудачи, почитали себя счастливыми, что спасли свою жизнь, и прежде всего старались осмотрѣть свои раны. Ермакъ былъ раненъ саблею въ лѣвое плечо. Подкрѣпивъ себя пищею и накормивъ лошадей, разбойники рѣшились продолжать свой путь. Ровно четверо сутокъ продолжали оный. Въ пятое утро они увидали желанную долину. Изнуренные трудами, безсонницею, голодомъ и болью ранъ, походили болѣе на

существа полумертвыя, нежели на людей, одаренныхъ совершенною жизнью. Въ своемъ скрытномъ убѣжищѣ они нашли оставшихся четверыхъ товарищей, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ возвращенія прочихъ.

Сытная, хорошая пища, безопасность и спокойный сонъ, подкрѣпили силы разбойниковъ и оживили ихъ унылый духъ. Съ наступленіемъ утра составилось общество, но оно уже ни мало не походило на прежнее. Разбойники, обремененные печалію, долго хранили молчаніе. На глазахъ многихъ искрылись слезы. Ермакъ, будучи твердъ и неустрашимъ во всѣхъ опасностяхъ, съ прискорбіемъ души смотрѣлъ на это уныніе. Наконецъ, желая разсѣять эту горестъ, онъ сказалъ имъ:

»Храбрые, любезные товарищи! тому, что случилось, помочь уже нельзя, а могучіе не отчаяваются. Хотя мы всѣ

чувствуемъ нашу потерю, но для меня она неизяснима: я въ атаманъ потерялъ больше нежели начальника, сотоварища — я потерялъ друга! Посему мы должны въ нашихъ сердцахъ возродить желаніе для вознагражденія столь великой потери.»

Эти слова были для разбойниковъ животельнымъ бальзамомъ. Замѣтная бодрость просіяла на ихъ лицахъ. Каждый чувствовалъ и сознавался, что слова Ермака были справедливы. Всѣ согласились, что если бы послѣдовали плану храброго и предусмотрительнаго Ермака, въ такомъ случаѣ они избѣгли бы случившагося несчастія; вмѣстѣ съ этимъ признавали его своимъ избавителемъ и просили единогласно, чтобъ Ермакъ принялъ надъ ними начальство. Всѣ клялись во всякомъ случаѣ слѣдовать его совѣту и не оставлять его до послѣдняго вздоха:

»Храбрые товарищи?» отвѣчалъ Ер-

макъ—»почетное мѣсто между нами, безъ сомнѣнія, есть мѣсто опасности; но если этого желаете вы—я не отказываюсь. Прошу у васъ только одного: не убивайте тѣхъ, которые не будутъ вамъ сопротивляться, и не раззоряйте бѣдныхъ. Не взирая на нужду, которая заставляетъ насъ жить хищничествомъ, пусть одни богатые награждаютъ нашъ недостатокъ и нашъ мечъ пусть поражаетъ только тѣхъ, которые захотятъ пролить нашу собственную кровь.»

Всѣ хвалили и одобряли великодушное предложеніе Ермака, и поклялись исполнять оное со всею строгостію.

Часто простыя, ничего незначащія выраженія, болѣе трогаютъ, потрясаютъ душу, нежели самыя сильныя рѣчи, гдѣ соединено все искусство оратора и всѣ правила науки. Слово «люблю» сказанное предметомъ страсти, заключаетъ въ

себѣ, для того, кому оно сказано, все прекрасное, все высокое, въ немъ вся сила, искусство, или усладительная гармонія! Такъ и простыя слова Ермака много подѣйствовали на душу его товарищей.

III.

Неужели разбойникъ не можетъ быть
сострадающій?

Ъ. Ъ.

Ермакъ, сдѣлавшись атаманомъ надъ
шайкою разбойниковъ, менѣе сталъ пре-
даваться своимъ горестямъ. Прежде онъ
находилъ отраду въ мрачныхъ думахъ,
а теперь обратилъ все свое вниманіе на
поданіе скорой помощи своимъ стражду-
щимъ товарищамъ, и это развлекло его

печаль. Всѣхъ членовъ этого хищнаго общества осталось двадцать два человѣка. Умножить это малое число, хотя и требовама того необходимость, было трудно и опасно.

Больные разбойники, освободившись отъ ранъ, желали идти опять на промыслъ. Этому требовала самая привычка. Новый атаманъ находился вынужденнымъ исполнить желаніе своихъ сотоварищей.

Ермакъ, во время продолженія болѣзни нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій, не былъ въ бездѣйствіи. Онъ держался сказаннаго: почему послалъ двухъ проворныхъ изъ разбойниковъ, переодѣвъ ихъ въ крестьянскіе кафтаны, въ тѣ окрестности Казани, гдѣ находились зажиточныя и многолюдныя деревни. Онъ имъ приказалъ развѣдать; нельзя ли будетъ сдѣлать нападеніе на какого нибудь богатаго помѣщика и сдѣлать грабежъ безъ всякой себѣ опасности. Отправлен-

ные шпионы возвратились. Они донесли о желаемомъ. Это много поощрило разбойниковъ идти на грабежъ.

Ермакъ узналъ, что на берегу рѣки Камы, на возвышенномъ мѣстѣ, стоялъ домъ, принадлежащій одному богатому помѣщику. Его ненавидѣли за скупость, но главное—за чрезмѣрное безчеловѣчье. Таковыя примѣры не новы! Новый атаманъ съ десятыю отважными разбойниками пошелъ къ берегу рѣки Камы, противъ котораго стоялъ домъ упомянутаго богача. Онъ отправилъ къ нему, подъ видомъ закупки хлѣба для Царева войска, бывшихъ тамъ шпионовъ, одѣвъ ихъ въ платье купцовъ. Ермакъ далъ имъ каждому по слугъ и приказалъ, чтобъ до наступленія ночи они его уведомили, приметъ ли ихъ помѣщикъ къ себѣ въ домъ; самъ приготовился къ нападенію.

Мнимые купцы, пришедши въ деревню,

спрашивали о покупке хлеба. Помѣщикъ, узнавши о причинѣ пріѣзда, принялъ ихъ благосклонно.

Пріѣздъ шпіоновъ былъ за полдень. Деревня отъ дома помѣщика отстояла довольно далеко. Торгъ съ алчнымъ, скупымъ помѣщикомъ кончился къ вечеру. Цѣна за хлебъ была довольно высокая. Товарищи Ермака не скупилась.

По окончаніи торга корыстолюбивый богачъ пригласилъ мнимыхъ покупателей остаться ночевать у него въ домъ. Они согласились, но между тѣмъ, при наступленіи совершеннаго вечера, разбойники послали къ Ермаку нарочнаго съ извѣстіемъ, чтобъ онъ, при поданіи условнаго знака, былъ въ готовности.

Удальцы схватили испугавшагося помѣщика, поставили у воротъ карауль, потомъ перевязали всѣхъ слугъ и принудили бѣднаго господина открыть имъ

всѣ свои сокровища. Выбравъ все, что только могли, что заслуживало особаго вниманія, разбойники, съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ, сѣли за ужинъ, а связанный хозяинъ лежалъ у ихъ ногъ подобно мертвому.

Послѣ ужина удалъцы распростились съ бѣднымъ помѣщикомъ, сѣли на лошадей, переправились чрезъ рѣку Каму, и, радуясь хорошему успѣху своего предпріятія, возвратились въ свое тайное жилище. Они получили не только свѣжій припасъ, въ которомъ имѣли недостатокъ, но даже умножили число своихъ товарищей:

Вскорѣ послѣ сего шайка этихъ удалъцовъ переправилась чрезъ рѣку Волгу, на дорогу, которая вела въ Москву. Побуждаемые любопытствомъ, послѣдуемъ за ними и мы.

Удалые жители лѣса, нарядившись въ платье боярѣ и имѣя при себѣ слугъ, ѣхали по дорогѣ, ведущей въ Москву. Не успѣли они отъѣхать верстъ пяти, какъ встрѣтились съ однимъ отставнымъ солдатомъ. Этотъ бѣднякъ былъ лишень правой ноги, ковылялъ на деревяшкѣ. Было замѣтно, что онъ съ большимъ трудомъ тащился по пыльной дорогѣ.

»Куда ты, братъ, идешь? спросилъ его Ермакъ.

— Въ Петровскъ, бояринъ, отвѣчалъ шедшій.

»Ты, повидимому, много пострадалъ на войнѣ? продолжалъ Ермакъ.

— Такъ, бояринъ, примолвилъ тотъ. Но дай Богъ, продолжалъ онъ, чтобъ потеря моей ноги составляла одно мое мученіе.

»А не могу ли я тебѣ помочь? спросилъ Ермакъ.

— Богъ да благословить васъ за ваше доброе намѣреніе, отвѣчалъ раненый. Вы, бояринъ, снисходительны не по нынѣшнему времени: не пренебрегаете даже говорить съ такимъ бѣднякомъ, какъ я.

»Это, любезный, я думаю, долженъ дѣлать каждый. Зачѣмъ презирать бѣдность?

Прохожій тяжело вздохнулъ; на его глазахъ навернулись слезы.

— Видитъ Богъ вашу доброту, бояринъ? Такъ позволь же мнѣ рассказать мою исторію. Она не велика, но справедлива.

»Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Ермакъ.

— Я родился въ городъ Петровскъ,

гдѣ въ то время, когда я былъ взятъ на службу Царскую, оставилъ старика отца—(не знаю, живъ ли теперь онъ)—котораго кормилъ своими трудами. При одной осадѣ брали мы штурмомъ крѣпость, гдѣ картечью оторвало у меня ногу. Меня выпустили въ отставку, и я теперь тащусь на свою родину. Можетъ быть моего отца печаль и нужды вогнали въ гробъ, и я его больше не увижу.

При этихъ послѣднихъ словахъ глаза разскащика наполнились слезами. Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ: »Но жестокость, съ каковою притѣсняютъ несчастныхъ, мучить меня болѣе, нежели самая бѣдность. Сей часъ проѣхалъ мимо меня полковой командиръ, который родомъ не выше меня. Онъ хищеніемъ нажилъ большое состояніе. Вотъ этотъ домъ, который, бояринъ, ты видишь вдали, принадлежитъ ему. Онъ купилъ всѣ эти земли. Я думалъ, что онъ

вспомнить бѣднаго служиваго, почему подошелъ къ нему просить милостыни; но онъ, вмѣсто того, [чтобъ меня чѣмънибудь взыскать, принялся ругать плутомъ и бродягою, и приказалъ слугъ меня отогнать. Безчеловѣчный исполнилъ приказаніе безчеловѣчнаго господина. Вся кровь во мнѣ закипѣла; но что могъ я сдѣлать съ одною ногою?

При этихъ словахъ гнѣвомъ, а вмѣстѣ и состраданіемъ наполнилось сердце Ермака.

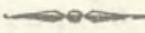
»На, другъ мой!« сказалъ Ермакъ, вынимая изъ кармана своего кафтана кошелекъ съ золотыми монетами, и подавая оный отставному воину. »Этотъ кошелекъ, можетъ быть, обременитъ твой карманъ, продолжалъ сострадательный Ермакъ, за то сблегчитъ твое сердце. Ступай къ старому отцу, и ежели онъ живъ, то подѣлись и съ нимъ.

Удивленіе солдата было неизъяснимо. Онъ долго не вѣрилъ своимъ глазамъ; наконецъ, взглянувъ на небо, сказалъ: »Богъ да благословитъ твое великодушіе, бояринъ, и да продлитъ жизнь твою на многія лѣта, чтобъ наслаждаться тѣмъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, которое чувствуешь дѣлая добро!«

Ермакъ съ товарищами поѣхалъ далѣе, а добрый воинъ, оборачиваясь въ слѣдъ за своимъ великодушнымъ благодѣтелемъ и, ковыляя на деревяшкѣ, продолжалъ путь свой въ Петровскъ.

Если философское XVIII столѣтіе, а вмѣстѣ съ нимъ и просвѣщенное XIX, имѣли друзей челоувчества, то зачѣмъ думать, что и вѣка прошедшіе, отдаленные, были лишены подобныхъ людей. Ермакъ, житель лѣса, разбойникъ, дикарь, хладнокровно взиравшій на смерть подобнаго себѣ челоувка, имѣлъ сердце доброе, великодушное. Ему была знакома

честность, справедливость, истина. Если
онъ по званію былъ разбойникъ, то по
дѣламъ человекъ, заслуживающій вос-
поминаніе, уваженіе.

III.

— Друзья! сказалъ Ермакъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ и продолжая путь по той же дорогѣ, изъ этого Коммиссара мы должны выжать кровь такъ же точно, какъ онъ высасывалъ оную изъ бѣдныхъ воиновъ.

— Мы съ нимъ перевѣдаемся! отвѣчали единогласно товарищи Ермака.

Наступилъ вечеръ. Удальцы поѣхали

къ дому Коммиссара и, приблизившись къ нему на довольно близкое разстояніе, подозвали къ себѣ слугу, стоявшаго у воротъ.

«Кому принадлежитъ этотъ домъ?» — спросилъ одинъ изъ товарищей Ермака; «и можно ли въ ближайшей деревни сыскать ночлегъ и ужинъ, приличные званию бояръ?»

Коммиссаръ въ это время ходилъ по двору. Услыхавши эти вопросы и желая похвастаться своею знатностію и пышностію, онъ подошелъ къ спрашивавшимъ и съ учтивостію пригласилъ ихъ къ себѣ ночевать. Въмѣстѣ съ этимъ онъ увѣрялъ, что угощеніе въ его домъ будетъ гораздо лучше и пріятнѣе, нежели то, которое могутъ доставить имъ жители сельскіе.

Приглашеніе принято. Лошади были отданы слугамъ. Ермакъ и его товарищи

вошли въ покои. Комнаты были прекрасныя. Коммиссаръ, котораго тщеславіе было равно его жестокости, почиталъ себя счастливымъ, что имѣлъ случай показать свою пышность. Гости ему нравились. Справ дливо говорятъ, что наружность бываетъ слишкомъ обманчива! Таковыя примѣры не новы. Не ново и то, что таковы и Коммиссары. Этотъ классъ людей слишкомъ отличителенъ!...

Честолюбивый хозяинъ водилъ пріѣхавшихъ гостей по всему своему дому. Наконецъ отправились въ садъ. Когда гости остановились на одномъ пригоркѣ, дабы полюбоваться прекраснымъ видомъ мѣстоположенія, которое при захожденіи солнца казалось еще плѣнительнѣе, то Коммиссаръ, оставя ихъ, пошелъ самъ въ покои, дабы раздать тамъ нужныя приказанія. Въ это время удалцы составили планъ, какъ увезти Коммиссара и его сокровища.

Они уговорились приступить къ этому предпріятію послѣ ужина, въ то время, когда всѣ лягутъ спать: слуги должны были занять всѣ двери, а мнимые бояры схватить Коммиссара.

Вечеръ былъ проведенъ въ разговорахъ. Коммиссаръ говорилъ съ примѣтною важностію, что онъ отправлялъ достойную должность, что получилъ отъ Царя знатную награду за его услуги и что правительство должно ему большую сумму денегъ.

Въ десять часовъ начали ужинать. Столъ былъ пышный. Лучшія вина пѣнились въ дѣдовскихъ кубкахъ, на серебряномъ подносѣ. Коммиссаръ, восхищаясь похвалами, которыми былъ осыпаясь, не щадилъ винъ. Къ полночи глаза хозяина помутились отъ даровъ Вакха и, какъ говоритъ поэтъ:

Двоится шкафъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ!

Голова наэлектризованнаго хозяина переваливалась съ одного плеча на другое.

Ударило двѣнадцать часовъ: гости потребовали въ свои комнаты огня и принялись за дѣло.

Какъ съ одной стороны были приняты всѣ мѣры, а съ другой не было ни малѣйшаго подозрѣнія, то и не трудно было исполнить свое намѣреніе. Коммиссаръ, у котораго двоилось въ глазахъ, не могъ примѣтить того, что происходило вокругъ него, а люди, въ подражаніе своему господину, были пьяны и спали. Удальцы ихъ перевязали; послѣ сего забрали все лучшее, и навьючивъ онымъ лошадей, собирались домой.

Ермакъ, не желая дешево расплатиться съ Коммиссаромъ, приказалъ скрутить ему руки, завязать ротъ и привязать къ лошади.

На зарѣ удальцы прѣехали къ лѣсу, который простирался до самаго берега Волги, гдѣ остановились въ довольно потаенномъ мѣстѣ. Коммиссаръ пришелъ въ чувства. Когда его развязали, онъ началъ просить о пощадѣ жизни.

«Твоя жизнь, другъ мой, говорилъ Ермакъ, не можетъ быть замѣною для тѣхъ, которые погибли отъ твоей жестокости. Одно возвращеніе того имѣнія, которое ты нажилъ несправедливо, можетъ даровать тебѣ свободу. Садись и пиши сей часъ къ Царю прошеніе, чтобъ всю сумму, которую тебѣ должно правитель-ство, благоволилъ онъ раздать вдовамъ и сиротамъ тѣхъ храбрыхъ воиновъ, которые отъ болѣзни и непріятельскаго меча лишились жизни при осадѣ извѣстнаго тебѣ города.»

Невольный плѣнникъ принужденъ былъ исполнить приказаніе. Онъ дрожащею рукою написалъ прошеніе. Въ ту-жъ

минуту оно было отослано Ермакомъ на почту.

Прошло десять дней и корыстолюбивый Коммиссаръ, съ завязанными глазами, былъ выведенъ изъ жилища разбойниковъ на большую дорогу.

«Слушай! сказалъ Ермакъ, отпуская Коммиссара и давая ему на дорогу денегъ, надѣлай оставшимся у тебя богатствомъ изувѣченныхъ солдатъ, вдовъ и сиротъ, и разбойники не стануть тебя тревожить.»

Прошелъ еще годъ и разбойники продолжали дѣлать свои нападенія, но они всегда свято сохраняли свою клятву: ни одинъ честный человекъ не страдалъ отъ ихъ жестокости и бѣдные не имѣли причинъ на нихъ жаловаться. Шайка умножилась до сорока человекъ.

IV.

Бѣги далеко сынъ степей
И достигай желанной цѣли!
Ты не рожденъ носить цѣпей:
Не для тебя онѣ гремѣли.

Ив. Г...въ.

Какъ бы счастье не благопріятствовало разбойнику, но онъ ежеминутно терзается страхомъ, мучится неизвѣстностію о будущемъ, окруженъ опасностями и не находитъ покоя ни днемъ, ни ночью. Его поприще никогда не простирается далеко и оканчивается позорною смертію, или тягостнымъ наказаніемъ. Напротивъ того сколько благополучно положеніе тѣхъ, которые честными трудами снискиваютъ себѣ пропитаніе, и хотя не имѣютъ боль-

шаго, то по крайней мѣрѣ проводятъ свои дни въ тишинѣ и удовольствіи. Злодѣяніе и страхъ не возмущаютъ ихъ сна, и добродѣтель щитомъ своимъ прикрываетъ непорочныхъ.

Частые грабежи сихъ разбойниковъ и еще одинъ поступокъ, сдѣланный ими съ монахами одного монастыря, наконецъ возбудили гнѣвъ Царя. Онъ послалъ указъ къ Казанскому Воеводѣ, чтобъ онъ, не щадя никакихъ издержекъ, употребилъ всевозможныя средства для открытія ихъ пристанища. Много было старанія Воеводы, но все было тщетно; наконецъ одинъ случай открылъ ему дорогу, которая привела къ желанной цѣли.

Одинъ изъ разбойниковъ, посланный для развѣдыванія о новой добычѣ и о слухахъ, носящихся на ихъ счетъ, пришелъ переодѣтый въ Казань. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые съ такимъ отчаяніемъ прорубились сквозь стрѣльцовъ.

На его лѣвой щекѣ былъ рубецъ. Въ томъ домѣ, куда онъ пришелъ ночевать, стоялъ постоемъ одинъ изъ стрѣльцовъ, охранявшихъ караванъ. Онъ узналъ пришедшаго по рубцу на щекѣ. Давши немедленно знать Воеводѣ, который въ тужь ночь окружилъ командою домъ, взялъ разбойника и, сковавши его, посадилъ въ тюрьму.

На другой день былъ сдѣланъ пойманному допросъ, но удалецъ запирался. Когда же его хотѣли пытать, то бодрость его исчезла; къ тому же ему обѣщали прощеніе. Страхась жестокости пытки и надѣясь на прощеніе, онъ измѣнилъ въ вѣрности своимъ товарищамъ. Просилъ, чтобъ его не мучили, обѣщаясь во всемъ признаться и открыть мѣсто ихъ жительства.

Воевода, въ сходственность показанія разбойника и во исполненіе повелѣнія

Царя, тотчасъ отрядилъ команду воору-
женныхъ людей, давши имъ въ провод-
ники пойманнаго удальца. Начальнику
отряда было приказано привести разбой-
никовъ живыхъ или мертвыхъ, а мѣ-
сто ихъ пристанища раззорить до осно-
ванія.

Съ наступленіемъ утра отрядъ отпра-
вился въ путь. Разстояніе до жилища
разбойниковъ было довольно большое.
Дорога пролегла лѣсомъ. Въ четвертыя
сутки отрядъ вошелъ въ непроходимую
густоту онаго, а подъ вечеръ, вдали, ста-
ла показываться долина. Наступилъ со-
вершенный вечеръ. Начальникъ отряда
положилъ сдѣлать нападеніе по утру, и
собственно потому, что онъ опасался у-
хода, при наступившей темнотѣ, нѣкото-
рыхъ изъ разбойниковъ.

Вечеръ былъ прекрасный. Ермакъ, у-
далясь отъ своихъ товарищей, чтобъ въ
уединеніи предаться печальному воспоми-

нанію о милой Велики, углубясь въ размышленіе о своей несчастной судьбѣ, зашелъ далеко въ лѣсъ, какъ вдругъ темнота изторгла его изъ задумчивости. Онъ остановился. Ему послышалось лошадиное ржаніе; онъ началъ вслушиваться, и въ минуту подтвердились его догадки.

Ермакъ немедленно пошелъ въ ту сторону, откуда происходило ржаніе лошадей, и, прокрадываясь потихоньку между деревьями, приблизился такъ, что легко могъ рассмотреть вооруженный отрядъ. Но какимъ вмѣстѣ съ этимъ былъ объять удивленіемъ и страхомъ, когда сквозь деревья, при слабомъ свѣтѣ разведеннаго огня, онъ увидалъ лице своего товарища.

Занятая позиція Ермакомъ была самая выгодная. Онъ даже могъ перечесть отрядъ. Мысль сопротивленія привела Ермака въ отчаяніе. Въ сихъ обстоятельствахъ единымъ средствомъ къ спасенію

оставалось—бѣгство. Но для этого оставалось ли время? Рѣшительность была необходима. Ермакъ, не теряя времени, съ поспѣшностію поспѣшилъ назадъ. Товарищи готовили ужинъ и, не зная предстоящей опасности, предавались веселію.

Вѣсть Ермака и впечатлѣніе, произведенное на его лицѣ тѣмъ, что онъ видѣлъ, привели въ боязнь его отважныхъ соотечественниковъ, не знавшихъ до того времени никакого страха. Всѣ они думали, и мысль была справедливая, что было бы весьма безумно дожидаться утра, дабы съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ напасть на посланную команду. Хотя и дорого бы они продали свою жизнь, но бой былъ бы весьма неравный, а ужасная мысль о предстоящей позорной смерти была для каждаго изъ удалцовъ мученіемъ несноснымъ.

«Друзья и товарищи! сказалъ наконецъ

Ермакъ — «я бы никакъ не усомнился теперь же вывести васъ противъ присланнаго отряда, еслибъ имѣлъ малѣйшую надежду получить счастливый успѣхъ. Мнѣ известна ваша храбрость, и я охотно пожертвовалъ бы для васъ собственною жизнью, но къ чему все послужить это? Если до утра останемся здѣсь, то несчастіе наше неизбѣжно. Но теперешнее время еще наше. Свѣтъ великъ, пространенъ, а другія земли простираютъ къ намъ руки и просятъ насъ въ свои объятія. Благоразуміе, дѣятельность и ваша отважность могутъ еще спасти насъ отъ предстоящей гибели; далеко отъ сего мѣста мы можемъ въ безопасности положить основаніе будущему счастью. И такъ, товарищи, советъ мой, если никто изъ васъ не знаетъ лучшаго, есть тотъ, чтобъ теперь же съѣсть на лучшихъ лошадяхъ, взять съ собою дорогія вещи, пуститься къ Сѣверу и искать тамъ у-

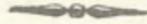
бъжища у дикихъ народовъ. Намъ извѣстны тайные переходы въ сихъ горахъ.»

Всѣ единодушно одобрили предложеніе Ермака, и не теряя времени, осѣдлали лошадей, взяли оружіе и столько съѣстныхъ и винныхъ припасовъ, сколько могли везти съ собою. Такимъ образомъ удальцы, хотя и съ прискорбіемъ, оставили мѣсто своего пристанища.

Съ наступленіемъ утра посланный отрядъ приготовился къ нападенію. Военскимъ порядкомъ того времени приступилъ онъ къ мѣсту своей цѣли; но какво было удивленіе начальника отряда, когда онъ въ пристанищѣ разбойниковъ не могъ сыскать ни одного изъ нихъ. Раскиданныя разныя домашнія вещи и видимый безпорядокъ, въ этомъ жилищѣ свободы, доказывали ясно, что удальцы

не уѣхали на новый промыслъ, но пре-
дались бѣгству.

Оставимъ въ удивленіи начальника от-
ряда, а сами послѣдуемъ за нашимъ раз-
бойникомъ-героемъ.

V.

Кому неволя не ужасна,
Кому свобода не мила!

Ъ. Ъ.

Еще прежде наступленія утра Ермакъ съ своими товарищами находился уже верстъ за шестьдесятъ отъ мѣста ихъ прежняго тайнаго пристанища. Наконецъ, послѣ небольшого сдѣланнаго отдыха, удалъцы пустились дальше и благополучно проѣхали всѣ тѣ мѣста, которыя бывали тогда посѣщаемы Русскими. Они остановились въ селеніи Вогуличей, находив-

шихся среди ужасной непроходимой пустыни. Сии жители были идолопоклонники и до того времени почти не видали другихъ людей, кромѣ звѣриныхъ промышленниковъ, которые иногда заходили въ ихъ окрестности: почему нашихъ удалцовъ приняли съ видимымъ страхомъ и подозрѣніемъ.

Ермакъ, не зная языка Вогуличей, старался ихъ успокоить дружескими знаками, подареніемъ разныхъ бездѣлокъ и тому подобными средствами. Это много помогло ему. Онъ велѣлъ своимъ товарищамъ дѣлать заготовленія для постройки шалашей, ибо рѣшился у сдружившихся съ ними Вогуличей провести зиму, приближавшуюся со всеми своими суровостями.

Наконецъ наступила весна, или лучше сказать лѣто; ибо въ сихъ Сѣверныхъ странахъ за жестокими морозами слѣдуетъ вдругъ палящій зной. Весна едва

бываетъ примѣтна между зимою и лѣтомъ. Кажется, что цвѣты ожидаютъ только растаянiя снѣга, чтобъ явиться во всей своей красотѣ, и мелкая рожь, которую тамъ сѣютъ, почти видимо выходитъ изъ земли колосьями. Какая прекрасная картина природы!

Удальцамъ надлежало рѣшиться на что нибудь: или остаться у Вогуличей, или идти обратно въ населенныя Россiйскiя земли и искать тамъ новаго убѣжища, сопряженнаго съ явною опасностiю. Ермакъ, живши здѣсь, научился языку Вогуличей. Онъ услыхалъ отъ одного изъ нихъ, что за горами находится прекрасная населенная земля, неподвластная Россiи. Ермакъ хотѣлъ развѣдать объ этой землѣ и собственно для того, чтобъ положить тамъ основанiе для будущей жизни.

Ермакъ объявилъ объ этомъ намѣренiи своимъ спутникамъ, а вмѣстѣ съ этимъ

и о всѣхъ ' опасностяхъ, сопряженныхъ съ симъ предпріятіемъ.

»Мы ради съ тобою идти на край свѣта,« отвѣчали всѣ удалцы, »ибо обязаны тебѣ своею жизнью. Съ охотою отдаемъ въ твою полную власть.«

Ермакъ сдѣлалъ смотръ своему небольшому войску, состоявшему изъ 65 чело-вѣкъ. Онъ подговорилъ съ собою нѣсколько Вогуличей, искусныхъ стрѣлковъ, съ тѣмъ, чтобъ они проводили ихъ до тѣхъ мѣстъ, куда иногда доходили, занимаясь охотою.

Они отправились. Путь ихъ прости-рался къ Сѣверо-Востоку. На шестой день показались имъ отдаленныя горы, и начались болота, чрезъ которыя лошади шли съ трудомъ. Прошло еще нѣ-сколько дней и отважные путники не находили уже никакихъ слѣдовъ чело-вѣческихъ. Когда же приблизились къ горамъ, которыя стояли поперекъ на

дорогъ и простирались отъ Сѣверо-Востока къ Юго-Западу, то казалось имъ, что верхи горъ скрывались въ облакахъ, что свѣтъ блисталъ на нихъ среди льта подобно серебру, и что онѣ представляли имъ непреодолимыя препоны.

Вогуличи, во время ночи, предались бѣгству. Между товарищами Ермака началось неудовольствіе — слѣдствіе обманутой надежды. Ропоть достигъ наконецъ до ушей Ермака, постоянство котораго было равно его неустрашимости. Онъ употреблялъ все средства, дабы возбудить бодрость въ своихъ спутникахъ, совѣтовалъ желавшимъ возвратиться. Но великія предиріятія не бываюпъ ли соединены съ великими затрудненіями? Увѣщаніе утишило ропоть.

Три дня сряду удалъцы перебирались съ одной горы на другую. Хотя солнце стояло довольно высоко, но холодъ былъ

нестерпимый. Обнаженные скалы не представляли ни пищи, ни дровъ.

Многіе изъ удалцовъ начали порицать это предпріятіе и считать безуміемъ идти далѣе: почему, стговорившись ночью, пришли по утру къ Ермаку и заклинали его возвратиться назадъ. Они объявили ему, что приняли твердое намѣреніе не идти впередъ ни на шагъ. Ермакъ хотя и колебался самъ, но мысль оставить задуманное предпріятіе его огорчала.

»Не полагайте, храбрые товарищи,« сказалъ наконецъ Ермакъ, послѣ нѣкотораго размышленія, «чтобъ я хотѣлъ отличиться предъ вами какими нибудь преимуществами, или вами повелѣвать. Я почитаю васъ равными себѣ, моими друзьями, братьями, всегда готовъ повиноваться вашей волѣ. Вижу, что слова ваши справедливы. Но признаюсь чисто-сердечно, что съ большимъ прискорбіемъ

оставляю предпріятіе это. Кто знаетъ, можетъ быть, мы приблизились уже къ цѣли нашихъ желаній. Прошу васъ объ одномъ: дайте мнѣ одинъ день срока для узнанія, не найдемъ ли мы за предстоящею предъ нами высокою горою лучшей страны, нежели по какой ѣхали до сихъ поръ.»

Удальцы, много любившіе и даже почитавшіе Ермака, согласились. Путешествіе началось опять. Съ оврага, при ужасныхъ, истинно неизъяснимыхъ затрудненіяхъ, требовавшихъ рѣшительности и мужества, путники поднялись на самую вершину горы, гдѣ находилась небольшая долина. Ермакъ шелъ впередъ. Какимъ онъ былъ объятъ восторгомъ, когда увидалъ, въ отдаленности пространную долину, покрытую холмами, гдѣ текла большая рѣка и въ разныхъ мѣстахъ подымался дымъ, показывавшій, что земля эта была населена.

Радость заблестала на всѣхъ лицахъ. Они поздравляли другъ друга съ неожиданнымъ открытіемъ, не сомнѣваясь, что здѣсь найдутъ награду за всѣ претерпѣнные ими бѣдствія.

Они спустились съ крутизны горы въ долину; къ вечеру остановились въ одномъ перелѣскѣ, гдѣ было много дичи. Награда за предпринятые труды! Подкрѣпивъ себя пищею и накормивъ лошадей, удальцы рано по утру отправились въ путь, и приблизились къ концу лѣса, гдѣ началась совершенная долина. Въ самый полдень они были на открытомъ мѣстѣ, гдѣ увидали селеніе, отстоящее отъ нихъ на версту.

Спутники уговорились употребить всѣ средства къ сисканію дружбы неизвѣстныхъ имъ жителей. Уважая Ермака, всѣ единодушно согласились во всемъ повиноваться ему и снова клялись быть вѣрными.

Жители селеній, увидавъ конныхъ людей, бросились бѣжать. Ермаку и его товарищамъ удалось разсѣять ихъ страхъ. Они узнали, что это Пермьки, не за долго до этого времени поселившіеся во владѣніяхъ одного изъ Строгановыхъ.

Этимъ Строгановымъ Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный пожаловалъ большія помѣстья въ Пермь. Они завели тамъ солянныя варницы и приобрѣли большое богатство.

Ермаку съ его удальцами не возможно было оставаться въ землѣ, которая была подвластна Россіи. Ему надлежало искать убѣжища въ земляхъ независимыхъ отъ оной. Онъ желалъ отправиться туда, но ему не была известна дорога; Пермьки также не знали оной. Сверхъ всего этого Ермакъ имѣлъ недостатокъ въ военныхъ припасахъ.

Эти затруднительныя обстоятельства побудили Ермака испытать, не можетъ ли

Строгановъ . снабдить его послѣднимъ и доставить ему свѣдѣнія о земляхъ, лежащихъ къ Востоку. Ермакъ къ нему отправился.

Какъ не послѣдовать за нимъ и намъ!

VI.

Наши въ полѣ не робьютъ,
Каждый хочеть городъ взять,
Русская солдатская пѣсня.

Строгановъ жилъ на берегу рѣки Чусовой. Онъ былъ пораженъ чрезвычайнымъ удивленіемъ, когда услыхалъ, что въ его селеніе пріѣхали какіе-то вооруженные люди. Но Ермакъ явился къ нему, сопровождаемый нѣкоторыми товарищами. Послѣ небольшого учтиваго привѣтствія, онъ ему сказалъ: »Бояринъ! мы принадлежимъ къ командѣ, посланной

Казанскимъ воеводою для пойманія показавшихся разбойниковъ. Гнавшись за ними, мы заблудились и, скитаясь нѣсколько дней по горамъ, вышли наконецъ въ это селеніе. Укрѣпившись въ силахъ, мы возвратимся къ своей командѣ.»

Строгановъ, видя важную осанку Ермака, и также нарядъ его подчиненныхъ, которые были одѣты въ мундиры солдатъ, легко повѣрилъ сказанному. Онъ предложилъ Ермаку свои покои, а его подчиненнымъ велѣлъ отвести квартиры и отпустить все нужное.

Ермакъ, разговаривая съ Строгановымъ, скоро отъ него узналъ, что къ Востоку жили разные варварскіе народы, которые иногда возмущали Пермь, и что за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ Сибирскій Ханъ Кучумъ посылалъ въ эту страну своего брата съ войскомъ, разграбившемъ и опустошившемъ оную.

Въ душѣ Ермака блеснула мысль отважная. Онъ разсуждалъ о покореніи этихъ народовъ подъ власть Россіи и о пріобрѣтеніи, подобно другимъ героямъ неувядаемой славы, которая занимала всю его душу, а также и о прощеніи Царя. Намѣреніе великое, достойное похвалы! Къ тому же Ермакъ всегда гнушался постыднымъ названіемъ разбойника и ежеминутно помышлялъ о переменѣ онаго. Этотъ случай почиталъ онъ благопріятнымъ и рѣшился непременно воспользоваться онымъ. Но нетерпѣніе заставляло его спѣшить и не откладывать времени, почему на третій же день своего пріѣзда къ Строганову, Ермакъ, вошедши въ его покой, сказалъ ему:

»Бояринъ! ласковый пріемъ, который ты мнѣ сдѣлалъ, и дружеское ко мнѣ расположеніе требуетъ отъ меня откровенности. Я не военный! Несчастныя и горестныя обстоятельства заставили меня

прибѣгнуть къ средствамъ насилія. Но не безпокойся, добрый Бояринъ, я самъ стыжусь этого позорнаго названія, да и мои товарищи раздѣляютъ со мною эти чувства. Теперь мы рѣшились искать новыхъ опасностей на Востокъ, и, усмиряя враговъ Россіи, или всѣ умремъ, или покоримъ ихъ подъ ея Державу. Тѣмъ, быть можетъ, загладимъ стыдъ прежнихъ нашихъ дѣяній. Прошу тебя, Бояринъ, только о томъ, чтобъ ты снабдилъ насъ въ дорогу нужными съѣстными и военными припасами, и отпустилъ съ нами свѣдущихъ проводниковъ.»

Строгановъ одобрилъ это намѣреніе и согласился оказать вспоможеніе молодому герою. Онъ приступилъ къ приготовленію всего нужнаго для сего предпріятія, а Ермакъ занялся умноженіемъ числа своихъ ратниковъ, изъ пришедшихъ на баркахъ бурлаковъ, желавшихъ съ охотою участвовать въ его подвигахъ.

Набравъ довольно войска, Ермакъ учредилъ въ немъ строгой военный порядокъ. Онъ назвалъ себя полководцемъ, а своихъ подчиненныхъ казаками. Когда же для похода было все въ готовности, то всѣ припасы Ермакъ велѣлъ перенести на суда, гдѣ также были поставлены и пушки, полученныя имъ отъ Строганова. Простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, предводитель новаго ополченія съ мужествомъ пустился въ путь.

Онъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой. Плаваніе, а особенно по рѣкѣ Серебрянкѣ, было самое затруднительное. Оно продолжалось цѣлое лѣто. Съ наступленіемъ осени претятствія умножились. Отважному Ермаку не препятствовало ничего. Онъ велѣлъ остановиться и вытащить суда на берегъ рѣки Серебрянки, гдѣ рѣшился провести зиму, выбравъ для сего выгодное мѣсто.

При сдѣланіи войску смотра, Ермакъ увидалъ, что оно уменьшилось: многіе изъ казаковъ разбѣжались отъ трудностей, а другіе умерли отъ болѣзней.

Съ наступленіемъ весны новыя казаки отправились сухимъ путемъ къ рѣкѣ Тагилю, гдѣ для перевоза своихъ вещей начали строить суда. Чрезъ нѣсколько недѣль суда были готовы и Ермакъ поплылъ внизъ къ Турѣ. На сей рѣкѣ жилъ Татарской Мурза, Карача, подъ владѣніемъ котораго находились отважные Вогуличи. Онъ хотѣлъ возбранить казакамъ ходъ по рѣкѣ, почему собралъ всю свою силу. Залпъ, сдѣланный Ермакомъ изъ пушекъ, разсѣялъ непріятелей. Они разбѣжались въ лѣса. Въ селеніи казаки подкрѣпили свои силы, нашедши тамъ много съѣстныхъ припасовъ.

Спустя нѣсколько времени, Ермакъ прибылъ въ другое селеніе, которое стояло на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ

построенъ городъ Тюмень. Онъ, высадивъ на берегъ войско, овладѣлъ селеніемъ безъ всякаго сопротивленія. Мѣстоположеніе сего селенія весьма много поправилось Ермаку, а какъ онъ нашелъ тамъ большое изобиліе хлѣба и скота, то рѣшился тамъ зимовать.

Слухъ о появленіи казаковъ дошелъ до Кучума, Хана Сибири. Сей, опасаясь нападенія, послалъ строгой приказъ къ своимъ подданнымъ, чтобъ они вооружились и приготовились идти противъ казаковъ.

Наступила весна. Ермакъ съ войскомъ поплылъ внизъ по рѣкѣ Турь, при устьѣ которой Татары сдѣлали на него сильное нападеніе. Ермакъ съ своими храбрцами одержалъ надъ ними побѣду и получилъ множество добычи. Послѣ сего Ермакъ вошелъ въ рѣку Тоболь. Кучумъ Ханъ, услыхавъ, что казаки продолжаютъ идти впередъ, велѣлъ протянуть

цѣпь въ узкомъ мѣстѣ рѣки, чрезъ которое должно было проходить Ермаку. Собранное войско было препоручено Мурзѣ. Онъ съ неистовствомъ напалъ на казаковъ. Можетъ быть, храбрый Ермакъ и былъ бы взятъ въ плѣнь, еслибъ не прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ велѣлъ на судахъ разставить пуки изъ хворосту и надѣть на нихъ казацкое плѣтье, а самъ выступилъ на берегъ съ отборнымъ войскомъ, зашелъ непріятелю въ тылъ и ударилъ на него съ такимъ стремленіемъ, что Татары не могли устоять и обратились въ бѣгство.

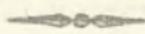
Кучумъ Ханъ, слыша о быстрыхъ успѣхахъ Ермака, велѣлъ въ самой скорости и сколько можно болѣе, вооружить Татаръ, Остяковъ и Вогуличей, и отправилъ эту толпу противъ Ермака, подъ предводительствомъ своего брата Мегемета Кула, а самъ занялся укрѣпленіемъ своей столицы.

Новый непріятель напалъ въ тридцати верстахъ отъ устья рѣки Тавды на казаковъ. Не смотря на многочисленную толпу Мегеметъ Кула, мужество и искусство казаковъ взяли преимущество. Они надъ Татарами одержали побѣду и продолжали спокойно свой путь.

Казалось, Ермаку благопріятствовало все. На правой сторонѣ Тобола, не далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ вливается въ Иртышъ, жилъ Мурза, именемъ Карага, славившійся богатствомъ и плодородіемъ своей области. Ермакъ, безъ особеннаго сопротивленія, овладѣлъ его селеніемъ, гдѣ нашелъ много золота и серебра, а также большое количество хлѣба и скота. Последнее для казаковъ было нужнѣе перваго. Здѣсь Ермакъ пробылъ шесть недѣль. Собравшись съ силами, онъ опять сѣлъ на суда и поплылъ къ устью рѣки Тобола. Хотя много стоило ему труда пройти это

мѣсто и достигнуть Иртыша; но онъ, не смотря на всѣ препятствія, благополучно вошелъ въ Иртышъ.

Наступила глубокая осень. Желаніе Ермака состояло въ томъ, чтобъ сыскать такое мѣсто, гдѣ-бъ они могли зимовать. Мѣсто вскорѣ было отыскано.

281

VII.

О смерти храбраго

Давно ужъ вторила волна!

Ъ. Ъ.

На лѣвомъ берегу Иртыша, въ двухъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ Тоболь, выдается высокой мысъ. Тамъ Кучумъ Ханъ собралъ войско, поручивъ одну часть онаго своему брату Мегеметь Кулу, которому велѣлъ стать внизу мыса, а самъ расположился на верху, куда взялъ съ собою двѣ пушки,

и въ семь положеніи ожидалъ казаковъ. Ермакъ, видя большое число непріятелей, ни мало не утрашился онаго, но еще былъ радъ, что наступала рѣшительная минута сраженія. Онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ напасть ^{на} на Татаръ. Мегеметь Куль защищался храбро и Ханъ подкрѣплялъ его ^и всѣми своими силами. Но при всемъ этомъ счастье склонилось на сторону Ермака. (Онъ и здѣсь одержалъ надъ Татарами побѣду и принудилъ Хана и его брата ^и обратиться въ постыдное бѣгство.

Эта побѣда для Ермака была значительнѣе прочихъ. Остяки и Вогуличи оставили Кучума, а знатнѣйшіе изъ Татаръ предались бѣгству; да и самому Кучуму должно было одѣлать то же. Онъ удалился въ отдаленныя страны Сибири. Храбрый Ермакъ отправился въ столицу Кучума. Чего не дѣлаетъ рѣшительность!

Безъ нее и великіе герои свѣта не получили бы этого титла.

Ермаку добровольно покорились Остяки, разбѣжавшіеся по степямъ. Татары, при подступленіи казаковъ къ стѣнамъ Сибири, услышавъ, съ какою благосклонностію были приняты Ермакомъ Остяки, возвратились въ свои жилища и явились къ нему съ дарами. Предусмотрительный Ермакъ обошелся съ ними милостиво и радушно. Ихъ примѣру послѣдовали и Вогуличи, покоренные некогда Кучумомъ. Такимъ образомъ Ермакъ сдѣлался обладателемъ трехъ народовъ и началъ наслаждаться желаннымъ покоемъ.

Но оный продолжался не долго. Кучумъ Ханъ снова началъ тревожить отважныхъ казаковъ. Ермакъ обратился къ другимъ средствамъ. Онъ, измѣнивъ уже названіе разбойника на побѣдителя, что истинно заслужилъ своею храбростію и

рѣшительностію, рѣшился увѣдомить Россійскій Дворъ о своихъ завоеваніяхъ, надѣясь получить отъ него вспоможеніе. Это порученіе возложилъ Ермакъ на одного изъ своихъ вѣрныхъ сотоварищей. Онъ приказалъ ему просить Царя Іоанна Васильевича о милостивомъ ихъ прощеніи за прежнія дѣла, и чтобъ Царь благоволилъ прислать начальника съ войскомъ въ новозавоеванныя имъ земли какъ для управленія тамошними народами, такъ и для совершеннаго покоренія Сибири.

Съ наступленіемъ зимы повѣренный отправился въ Москву, взявъ съ собой назначенные для Царя дары, состоявшіе изъ лучшихъ соболей, бобровъ и черныхъ лисиць.

Посланные отъ Ермака прибыли ко Двору съ донесеніемъ о покореніи Сибирскаго Царства подъ Державу Россіи. Радость Царя Іоанна Васильевича была неизъяснима. Въ соборной церкви Успе-

286

нія Божіей Матери былъ принесенъ благодарственный молебенъ, а бѣднымъ раздана щедрая милостыня. Для содержанія казаковъ Царь опредѣлилъ сумму изъ государственныхъ доходовъ и пожаловалъ каждому изъ нихъ не малое число денегъ и по половинкѣ сукна. Іоаннъ Васильевичъ, Ермака и его товарищей, удостоилъ милостиваго прощенія, послалъ первому въ подарокъ два богатые панцыря, серебряный ковшъ, шубу съ своихъ плечь и половинку сукна.

Посольство возвратилось къ Ермаку и вручило ему грамоту Царя. Душа Ермака въ эту минуту, можно сказать, встала въ другомъ мірѣ!

При всемъ этомъ дѣятельный духъ Ермака занимался новыми предпріятіями. Онъ взялъ въ полонъ Мегеметь Кула, а своего храбраго сотоварища Брызгу отправилъ въ нижнія мѣста Иртыша, для наложенія дани на жившихъ тамъ Та-

таръ и Остяковъ. Брязгою все было сдѣлано съ успѣхомъ.

Между тѣмъ Царь Іоаннъ Васильевичъ, по желанію Ермака, назначилъ воеводою въ Сибирь Князя Болховскаго, и послалъ съ нимъ, для подкрѣпленія казаковъ, 500 человекъ стрѣльцовъ. Съ прибытіемъ Болховскаго, въ прѣжде бывшую столицу Кучумъ Хана, счастіе, благопріятствовавшее Ермаку — измѣнилось. Оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, за которымъ послѣдовалъ голодъ. Это несчастіе продолжалось цѣлую зиму. Многіе сдѣлались добычею смерти. Въ числѣ ихъ погибъ и Воевода Князь Болховской.

Виною этого бѣдствія былъ Мурза Карача, возмущившій противъ Ермака покоренныхъ имъ Татаръ и Остяковъ, которые, слѣдуя совѣту этого злодѣя, пресѣкали весь подвозъ Россіянамъ.

Этотъ Мурза отважился даже нако-

нецъ осадить самый городъ Сибирь, будучи въ надеждѣ, что Россіяне, при такомъ своемъ бѣдственномъ положеніи, ему сдадутся. Но Ермакъ рѣшился лучше умереть, нежели лишиться плода своихъ побѣдъ. Осажденные упорно сопротивлялись Татарамъ и наконецъ рѣшились сдѣлать вылазку изъ крѣпости. Исполнивъ это, они согласились напасть не на Татарь, окружавшихъ крѣпость, но на станъ Карачи, который находился на западномъ берегу Иртыша. Успѣхъ самый счастливый увѣнчалъ ихъ предпріятіе. Послѣ сего казаки напали на Татарь, окружавшихъ крѣпость. Непрїятель былъ отбитъ съ большимъ для него урономъ, и казаки вошли въ Сибирь съ побѣдою, которая тѣмъ была важнѣе для Ермака, что онъ вторично покорилъ возставшихъ противъ него Татарь.

Для совершеннаго завоеванія Сибирскаго Царства оставалось покорить Та-

таръ, жившихъ въ верхнихъ частяхъ Иртыша. Храбрый Ермакъ туда отпра-вился. Онъ на пути своемъ не встрѣчалъ большихъ сопротивленій, а если оныя и бывали, то храбрость его дружины пре-возмогала все. Такъ привелъ онъ въ Россійское подданство всѣхъ Татаръ, го-селившихся на берегахъ Иртыша, до самыхъ степей, куда съ небольшимъ чи-словъ войска не могъ онъ слѣдовать. Ермакъ возвратился въ Сибирь.

Не подалеко отъ устья рѣки Вагая выходитъ изъ Иртыша къ Востоку не-большая рѣчка, которая, обтекая малое пространство земли, составляетъ съ нимъ островъ. Ермакъ, пришедши къ сему мѣсту, рѣшился провести тутъ ночь. Дождь лилъ ливня. Не смотря на дур-ную погоду, усталые казаки предались беззаботно сну. Кучумъ Ханъ, неусып-но присматривая за ними, разсылалъ вездѣ отряды для наблюденія движеній Ер-

мака. Одинъ изъ таковыхъ разъѣздовъ наѣхалъ на спящихъ казаковъ и немедленно увѣдомилъ о томъ Хана, который рѣшился воспользоваться симъ случаемъ. Кучумъ, со всею скоростію, собралъ довольно большую силу, перешелъ съ осторожностію чрезъ рѣчку и напалъ на казаковъ, которые, будучи утомлены трудностями продолжительнаго похода, спали глубокимъ сномъ. Ханъ ихъ изрубилъ, прежде нежели они могли приготовиться къ оборонѣ. Немногіе изъ нихъ успѣли спастись на стоявшія суда. Между сими послѣдними находился и Ермакъ, который, пробившись сквозь ряды непріятеля, прибѣжалъ къ берегу и хотѣлъ вскочить въ лодку. Роковая лодка, къ несчастію, стояла далеко. Ермакъ, не допрыгнувъ до нее, упалъ въ воду. Храбрый, но на несчастія родившійся человекъ!

На немъ былъ тогда панцырь, пожа-

лованный ему Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Тягость панцыря препятствовала Ермаку выплыть изъ воды. Онъ погрязъ въ волнахъ Иртыша.

Такъ храбрый, предприимчивый Ермакъ, сначала разбойникъ, а потомъ завоеватель Сибири, кончилъ свою жизнь, ознаменованную большими подвигами. Его смерть, какъ смерть героя, оказавшаго большія услуги, должна пробудить сожалѣніе въ сердцѣ каждо го

ЭПИЛОГЪ.

1586.

Въ довольно сумрачный осенній вечеръ, когда солнце далеко закатилось за горы и скрыло за тучами свои лучи, на крутомъ берегу сердитаго Иртыша сидѣли трое казаковъ. По ихъ лицамъ, испещреннымъ сабельными ударами, можно было судить, что они не разъ знакомились съ кровавыми битвами, а сѣдые волосы ихъ головъ и бородъ были порукою, что десятки лѣтъ лежали бременемъ на

плечахъ ихъ. Сумрачны были ихъ лица. Казалось, что они гармонировали самой природѣ.

»Ну, что ты, Брызга, призадумался?«— сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ казаковъ, разкуривая коротенькую свою трубку.— »Или задумалъ какую нибудь думушку? Такъ повѣдай намъ.«

Брызга. Дума моя, Мещерякъ, одна: больно жаль мнѣ нашего храбраго атамана, Ермака Тимофеевича.

»Да, товарищъ, это твоя суцая правда,« заговорилъ третій казакъ. »Это былъ чудо, а не молодецъ! Бывало, помните, какъ мы съ нимъ крошили этихъ проклятыхъ бусурмановъ, Татаръ, что небу было жарко!

Мещерякъ. Признаюсь, какъ вспомнешь, Подкова, сердечушко такъ и забьется голубемъ.

Брызга. А помните, товарищи, какъ мы

иногда бывали нерѣшительны и возставали противъ намѣреній нашего атамана?

Подкова. Это твоя правда, и если бы ни рѣшительность Ермака Тимофеевича, то мы и умерли бы позорною смертію и не завоевали бы Сибирь.

Мещерякъ. Во всѣхъ случаяхъ мы одолжены храброму нашему атаману. Жаль одного, что онъ родился на однѣ несчастія.

Брызга. Да и самая его смерть говорить тоже. Даръ покойнаго Царя Иоанна Васильевича ускорилъ оную. Если бы не тяжесть панцыря, то Ермакъ Тимофеевичъ, можетъ быть, былъ бы живъ.

Подкова. А при его жизни мы бы еще надѣлали многое! И Иртышъ не былъ бы такъ славенъ, какъ теперь. Смерть Ермака Тимофеевича ознаменовала эту сердитую рѣку Сибири.

к о н е ц ъ .

